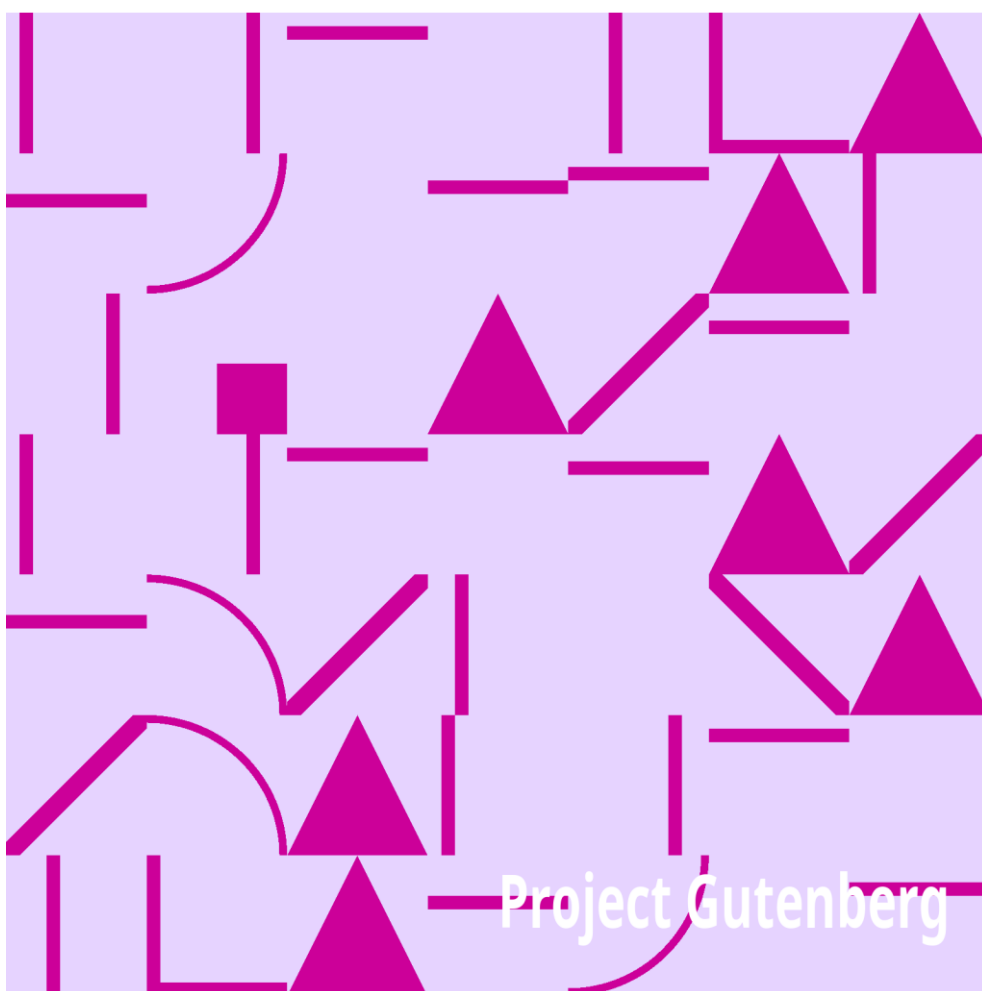

Черная смерть и танцевальная мания

Дж. Ф. К. Хекер

The Black Death, and The Dancing Mania

J. F. C. Hecker and Henry Morley

The Project Gutenberg eBook of The Black Death, and The Dancing Mania.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в Соединенных Штатах и большинстве других стран мира бесплатно и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: The Black Death, and The Dancing Mania

Автор: Дж. Ф. К. Хекер

Редактор: Генри Морли

Переводчик: Б. Г. Бабингтон

Дата выхода: 1 мая 1999 [eBook #1739].
Последнее обновление: 25 марта 2009 г.

Язык: Английский

Кредиты: Переписано с издания "Cassell & Company" 1888 года Джейн Дафф, выверено Дэвидом Прайсом.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE BLACK DEATH, AND THE DANCING MANIA ***

Переписано с издания 1888 года Cassell & Company Джейн Дафф, выверено Дэвидом Прайсом, электронная почта ssx074@pglaf.org.

Черная смерть и мания танцев

с немецкого Й. Ф. К. ХЕККЕРА.

Перевод Б. Г. Бэбингтона.

CASSELL & COMPANY, Limited:
лондон, париж, нью-йорк и мельбурн.
1888.

ВВЕДЕНИЕ

Юстус Фридрих Карл Геккер принадлежал к трем поколениям выдающихся профессоров медицины. Его отец, Август Фридрих Геккер, очень трудолюбивый писатель, сначала занимался врачебной практикой во Франкенхаузене, а в 1790 году был назначен профессором медицины в Эрфуртском университете. В 1805 году он занял аналогичную должность в Берлинском университете. Он умер в Берлине в 1811 году.

Юстус Фридрих Карл Геккер родился в Эрфурте в январе 1795 года. В 1805 году он, будучи десяти лет от роду, вместе с отцом отправился в Берлин, учился в гимназии и университете, но в восемнадцать лет прервал учебу, чтобы в качестве добровольца участвовать в войне за

отречение от Наполеона и всех его деяний. После Ватерлоо он вернулся к учебе, в 1817 году получил степень доктора медицины, написав трактат "Древности гидроцефалии", и стал приват-доцентом медицинского факультета Берлинского университета. С самого начала он был склонен к исторической стороне исследований в области медицины. Это заставило его взяться за "Историю медицины", первый том которой вышел в 1822 году. Она принесла ему звание экстраординарного профессора истории медицины в Берлине. В 1834 году эта должность была заменена на ординарную профессию того же направления, и Геккер занимал ее до своей смерти в 1850 году.

Эта должность была создана для человека, который обладал особым гением к этой форме обучения. Это было восхитительно для него самого, и он делал это восхитительным для других. Он считается основателем исторической патологии. Он изучал болезни в связи с историей человечества, сделал так, что его исследование стало для людей, не принадлежащих к его профессии, важной главой в истории цивилизации, и даже принял во внимание физические явления на поверхности земного шара, которые часто влияют на движение и характер эпидемий.

Книга "Черная смерть", переведенная доктором Бабингтоном, была первой важной работой Геккера такого рода. Она была опубликована в 1832 году, и в том же году за ней последовал его рассказ о "Танцевальной мании". Приведенные здесь книги - две, которые впервые принесли Геккеру широкую известность. За ними последовало множество других подобных трактатов, среди которых в 1865 году вышел трактат "Великие эпидемии Средневековья". Помимо "Истории медицины", второй том которой охватывает XIV век, и всех более мелких трактатов, Геккер написал большое количество статей в энциклопедиях и медицинских журналах. Профессор Й.Ф.К. Геккер был, что самое интересное, столь же занят, как и его отец профессор А.Ф. Геккер. Он передал семейную энергию единственному сыну, Карлу фон Геккеру, родившемуся в 1827 году, который отличился как профессор акушерства и умер в 1882 году.

Бенджамин Гай Бабингтон, переводчик этих книг Геккера, также принадлежал к семье, в которой изучение медицины переходило от отца к сыну, и оба они были писателями. Б.Г. Бабингтон был сыном доктора Уильяма Бабингтона, который был врачом Гайской больницы в течение нескольких лет до 1811 года, когда объем его частной практики заставил его уйти в отставку. Он умер в 1833 году. Его сын, Бенджамин Гай Бабингтон, получил образование в Чартерхаусе, поступил на службу мичманом, семь лет прослужил в Индии, вернулся в Англию и в 1831 году окончил Кембридж как врач. Он отличился расследованием эпидемии холеры в 1832 году и перевел эти работы Геккера в 1833 году для публикации Сиденхемским обществом. Впоследствии он перевел и другие трактаты Геккера об эпидемиях Средневековья. Доктор Б. Г. Бабингтон был врачом Гайской больницы с 1840 по 1855 год и членом Медицинского совета Главного управления здравоохранения. Он умер 8 апреля 1866 года.

Г.М.

ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ

ГЛАВА I - ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

То Всемогушество, которое сотворило мир со всеми его живыми существами в единое одушевленное существо, особенно ярко проявляет Себя в опустошениях, вызванных сильными морями. Силы творения вступают в жестокое столкновение; знойная сухость атмосферы, подземные громы, туман переполненных вод - все это предвестники

разрушения. Природа не довольствуется обычным чередованием жизни и смерти, и ангел-разрушитель замахивается на человека и зверя своим огненным мечом.

Эти революции совершаются в огромных циклах, которые дух человека, ограниченный узким кругом восприятия, не в состоянии исследовать. Однако они являются более значительными земными событиями, чем любые из тех, что происходят от раздоров, бедствий или страстей народов. Уничтожая людей, они пробуждают новую жизнь; и когда буря над и под землей заканчивается, природа обновляется, а разум пробуждается от оцепенения и депрессии к сознанию интеллектуального существования.

Если бы в какой-то степени человеческие исследования были в состоянии составить в яркой и связной форме исторический очерк таких могущественных событий, как это делают историки войн и сражений, миграций народов, мы могли бы тогда прийти к ясным взглядам в отношении умственного развития человеческой расы, и пути Провидения стали бы более очевидными. Тогда станет очевидным, что на разум народов оказывает глубокое влияние разрушительный конфликт сил природы и что великие катастрофы приводят к поразительным изменениям в общей цивилизации. Ведь все, что есть в человеке, будь то добро или зло, становится заметным при наличии большой опасности. Его самые сокровенные чувства пробуждаются, мысль о самосохранении овладевает его духом, самоотречение подвергается суровому испытанию, и там, где царят тьма и варварство, там испуганный смертный бежит к идолам своего суеверия, и все законы, человеческие и божественные, преступно нарушаются.

В соответствии с общим законом природы, такое состояние возбуждения влечет за собой изменения, благотворные или пагубные, в зависимости от обстоятельств, так что народы либо достигают более высокой степени нравственного достоинства, либо еще глубже погружаются в невежество и порок. Однако все это происходит в гораздо более широких масштабах, чем обычные перипетии войны и мира, возвышения и падения империй, потому что силы природы сами порождают язвы и подчиняют себе человеческую волю, которая в противостоянии народов преобладает одна.

ГЛАВА II-БОЛЕЗНЬ

Самым запоминающимся примером того, о чем шла речь, является великий мор XIV века, который опустошил Азию, Европу и Африку и о котором люди до сих пор хранят воспоминания в мрачных преданиях. Это была восточная чума, характеризующаяся воспалительными фурункулами и опухолью желез, подобных которым не бывает ни при одной другой лихорадочной болезни. Из-за этих воспалительных нарывов и черных пятен, свидетельствующих о гнилом разложении, которые появлялись на коже, в Германии и северных королевствах Европы ее называли Черной смертью, а в Италии - *Великой смертностью (la mortalega grande)*.

О симптомах и течении болезни сохранилось немного свидетельств, но и их достаточно, чтобы пролить свет на форму заболевания, и они заслуживают доверия, поскольку совпадают с признаками той же болезни в наше время.

Имперский писатель Кантакузен, чей собственный сын Андроник умер от этой чумы в Константинополе, отмечает большие нагноения на бедрах и руках заболевших, которые, когда их вскрывали, приносили облегчение за счет выделения неприятного вещества. Бубоны, которые являются безошибочными признаками восточной чумы, таким образом, четко обозначены, поскольку он отдельно упоминает о небольших нарывах на руках и на лице, а также в других частях тела, и четко отличает их от волдырей, которые не меньше

образуются при чуме во всех ее формах. Во многих случаях по всему телу появлялись черные пятна, либо одиночные, либо объединенные и сливающиеся.

Эти симптомы встречались не во всех случаях. Во многих случаях только одного из них было достаточно, чтобы наступила смерть, в то время как некоторые пациенты, вопреки ожиданиям, выздоравливали, хотя были поражены всеми. Симптомы поражения цефалии были частыми; многие пациенты одурманивались и впадали в глубокий сон, теряя речь из-за паралича языка; другие оставались без сна и отдыха. Слизистые оболочки и язык были черными и как будто налитыми кровью; никакие напитки не могли утолить жгучую жажду, так что страдания продолжались без облегчения до самой смерти, которую многие в своем отчаянии ускоряли собственными руками. Заразительность болезни была очевидна, так как больные заражали своих родственников и друзей, и многие дома в столице лишились даже последнего обитателя. Таким образом, произошли обычные обстоятельства, характерные только для восточной чумы. Однако с этой чумой были связаны еще более глубокие страдания, каких не испытывали в другие времена; органы дыхания были охвачены гнилостным воспалением; сильная боль в груди нападала на больного; кровь отхаркивалась, а дыхание распространяло ядовитый запах.

На Западе при вспышке этой болезни преобладали следующие симптомы. Жгучая лихорадка, сопровождающаяся отхождением крови, приводила к смерти в первые три дня. Похоже, что бубоны и воспалительные фурункулы сначала вообще не появлялись, а болезнь в виде карбункулярного (*сибиреязвенного*) поражения легких приводила к уничтожению жизни еще до того, как развивались другие симптомы.

Так чума свирепствовала в Авиньоне в течение шести или восьми недель, и язвенное дыхание больных, отхаркивавших кровь, вызвало страшную заразу далеко и близко; ведь даже соседство с заболевшими чумой означало верную смерть, так что родители бросали своих зараженных детей, и все родственные узы разрывались. После этого периода появились бубоны в подмышечной впадине и в паху, а также воспалительные фурункулы по всему телу; но только через семь месяцев после этого некоторые пациенты выздоровели с созревшими бубонами, как при обычной, более легкой форме чумы.

Таков отчет отважного Ги де Шольяка, который подтвердил честь медицины, бросив вызов опасности, смело и постоянно оказывая помощь больным и презрев оправдания своих коллег, придерживавшихся арабского мнения, что медицинская помощь бесполезна, а зараза оправдывает бегство. Он дважды видел чуму в Авиньоне: сначала в 1348 году, с января по август, а затем двенадцать лет спустя, осенью, когда она вернулась из Германии и в течение девяти месяцев сеяла всеобщее бедствие и ужас. В первый раз она свирепствовала в основном среди бедняков, а в 1360 году - больше среди высших сословий. Теперь она также уничтожила множество детей, которых раньше щадила, и лишь немногих женщин.

Подобное наблюдалось и в Египте. Здесь также преобладало воспаление легких, которое уничтожало быстро и безошибочно, со жгучим жаром и отхаркиванием крови. Дыхание больных также распространяло смертельную заразу, и человеческая помощь была столь же тщетной, сколь и губительной для тех, кто приближался к зараженному.

Боккаччо, который был очевидцем невероятной смертоносности этой болезни во Флоренции, месте возрождения науки, дает более живое описание приступа болезни, чем его современники, не занимавшиеся медициной.

Она начиналась здесь не так, как на Востоке, с кровотечения из носа, верного признака неизбежной смерти; вначале у мужчин и женщин появлялись опухоли в паху и в подмышечной впадине, в окружности достигавшие размера яблока или яйца и называвшиеся в народе паразитами (*gavoccioli*). Затем подобные опухоли появлялись без разбора на всех частях тела, а на руках или бедрах, или на других частях появлялись черные или синие пятна, либо одиночные и крупные, либо мелкие и густо усыпанные. Эти пятна оказались одинаково смертельными с нарывами, которые с самого начала считались верным признаком смерти. Никакая сила медицины не приносила облегчения - почти все умирали в течение первых трех дней, некоторые раньше, некоторые позже, после появления этих признаков, и в большинстве случаев совершенно без лихорадки или других симптомов. Чума распространялась с еще большей яростью, передаваясь от больных к здоровым, как огонь среди сухого и жирного топлива, и даже контакт с одеждой и другими предметами, которыми пользовались зараженные, казалось, вызывал болезнь. По мере ее распространения заболевали и вскоре умирали не только люди, но и животные, если они прикасались к вещам, принадлежавшим больным или мертвым. Так, Боккаччо сам видел, как две свиньи, сидевшие на тряпках умершего от чумы человека, после непродолжительного шатания упали замертво, как будто приняли яд. В других местах множество собак, кошек, птиц и других животных стали жертвами этой заразы; надо полагать, что имели место и другие эпизоотии среди животных, хотя невежественные писатели XIV века об этом умалчивают.

В Германии во всех отношениях повторялись те же явления. Там, как и везде, были обнаружены безошибочные признаки восточной бубонной чумы с ее неизбежным заражением, но смертность была не столь велика, как в других частях Европы. Не во всех свидетельствах упоминается отхаркивание крови, диагностический симптом этой смертельной чумы; однако из этого не следует делать вывод о значительном смягчении или изменении болезни, поскольку мы должны учитывать не только дефектность хроник, но и то, что отдельные свидетельства часто противоречат многим другим. Так, хроникам Страсбурга, в которых говорится только о нарывах и набухании желез в подмышечных впадинах и пахах, противостоит другой рассказ, согласно которому смертельное сплевывание крови встречалось в Германии; Но и это вызывает подозрения, поскольку рассказчик откладывает смерть тех, кто был таким образом поражен, до шестого и (даже) восьмого дня, тогда как ни один другой автор не санкционирует столь длительное течение болезни; и даже в Страсбурге, где смягчение чумы можно с большой долей вероятности предположить с 1349 года, было унесено всего 16 000 человек, большинство умерло на третий или четвертый день. В Австрии, особенно в Вене, чума была столь же злокачественной, как и везде, так что больные с красными пятнами и черными нарывами, а также пораженные опухолевидными железами умирали примерно на третий день; и наконец, на побережье Северного моря и в Вестфалии очень часто случались внезапные смерти без какого-либо дальнейшего развития болезни.

Во Францию эта чума пришла в северном направлении из Авиньона и была там более разрушительной, чем в Германии, так что во многих местах в живых оставалось не более двух из двадцати жителей. Многих поражало, словно молнией, и они умирали на месте, причем чаще молодые и сильные, чем старые; больные с увеличенными железами в подмышечных впадинах и пахах едва выдерживали два-три дня; и не успевали эти роковые признаки появиться, как они прощались с миром и искали утешения только в отпущении грехов, которое папа Климент VI обещал им в час смерти.

В Англии болезнь проявлялась, как и в Авиньоне, с отхаркиванием крови и с той же фатальностью, так что больные, страдавшие либо от этого симптома, либо от рвоты кровью, умирали в одних случаях сразу, в других - через двенадцать часов, а самое позднее - через два дня. Воспалительные нарывы и пузыри в паху и подмышечных впадинах были сразу же признаны предвещающими летальный исход, и те, у кого они появлялись в большом количестве по всему телу, теряли всякую надежду на выздоровление. Только ближе к концу чумы осмелились вскрыть разрезом эти твердые и сухие нарывы, когда из них в небольшом количестве вытекала материя, и таким образом, принудив природу к критическому нагноению, спасли многих пациентов. Каждое место, к которому прикасался больной, его дыхание, его одежда распространяли заразу; и, как и во всех других местах, обслуживающий персонал и друзья, которые либо были слепы к их опасности, либо героически презирали ее, падали жертвой своего сочувствия. Даже глаза больного считались источником заразы, способным действовать на расстоянии, то ли из-за их неожиданного блеска, то ли из-за искажения, которому они всегда подвергаются при чуме, то ли в соответствии с древним представлением, согласно которому зрение считалось носителем демонических чар. Бегство из зараженных городов редко помогало страждущим, так как зародыш болезни прилипал к ним, и они заболели вдали от помощи, в уединении своих загородных домов.

Таким образом, чума распространялась по Англии с беспрецедентной быстротой после того, как она впервые вспыхнула в графстве Дорсет, откуда продвинулась через графства Девон и Сомерсет до Бристоля, а затем достигла Глостера, Оксфорда и Лондона. Вероятно, немногие места спаслись, а может быть, и вовсе ни одно; ведь ежегодники современников сообщают, что по всей стране в живых осталась лишь десятая часть жителей.

Из Англии заразу перевезли на корабле в Берген, столицу Норвегии, где чума разразилась в самой страшной форме, с рвотой кровью, и по всей стране пощадила не более трети жителей. Моряки не находили убежища на своих кораблях, и часто можно было видеть, как по океану разъезжают и дрейфуют к берегу суда, экипажи которых погибли до последнего человека.

В Польше на пораженных напала слюна, и они умерли за несколько дней в таком огромном количестве, что, как утверждали, от жителей осталась лишь четвертая часть.

Наконец, в России чума появилась на два года позже, чем в Южной Европе, но и здесь она имела те же симптомы, что и в других странах. Русские современники писали, что она начиналась с окоченения, жара и колющей боли в плечах и спине, сопровождалась отхаркиванием крови и заканчивалась смертельным исходом через два, максимум три дня. Только в 1360 году мы находим упоминания о пузырях на шее, в подмышечных впадинах и в паху, которые, как утверждается, появлялись, когда отхаркивание крови продолжалось некоторое время. Однако, судя по опыту Западной Европы, нельзя утверждать, что эти симптомы не появлялись в более ранний период.

Таким образом, из достоверных источников можно многое узнать о природе Черной смерти. Приведенные описания содержат, за некоторыми несущественными исключениями, все симптомы восточной чумы, которые наблюдались в более современные времена. В этом вопросе не может быть никаких сомнений. Факты ясно видны перед нашими глазами. Однако мы должны помнить, что эта жестокая болезнь не всегда проявляется в одной и той же форме, и что, хотя сущность яда, который она производит и который так обильно выделяется из тела больного, остается неизменной, она протейфицирована в своих разновидностях, от почти незаметной пузырьчатки, не сопровождаемой лихорадкой, которая существует некоторое время, прежде чем она распространит свой яд внутрь, а затем

возбудит лихорадку и бубоны, до смертельной формы, в которой карбункулярные воспаления падают на самые важные внутренности.

Именно такую форму приняла чума в XIV веке, а сопутствующее заболевание грудной клетки, проявившееся во всех странах, о которых мы получили хоть какие-то сведения, при сравнении с аналогичными и знакомыми симптомами нельзя рассматривать иначе, как воспаление легких современной медицины, болезнь, которая в настоящее время проявляется лишь спорадически и, благодаря гнилостному разложению жидкостей, вероятно, сочетается с кровотечениями из сосудов легких. Так как каждый карбункул, будь то кожный или внутренний, в изобилии выделяет заразную материю, которая его породила, то, следовательно, дыхание пораженных должно было быть ядовитым при этой чуме, и по этой причине его заразительная сила удивительно возросла; Поэтому неопровержимо мнение, что из-за скопления больных заражались не только отдельные палаты и дома, но и целые города, которые, к тому же, в Средние века были, за редким исключением, тесно построены, содержались в грязном состоянии и были окружены застойными канавами. Бегство, как следствие, было бесполезно для робких людей; ведь даже если они старательно избегали всякого общения с больными и подозреваемыми, их одежда была пропитана вредоносной атмосферой, а каждое дуновение передавало им семена губительной болезни, которые в большинстве случаев прорастали с излишней плодовитостью. К этому следует добавить обычное распространение чумы через одежду, постель и тысячу других вещей, к которым прилипает яд моровой язвы, - распространение, которое из-за отсутствия осторожности должно было бесконечно умножаться; а поскольку предметы такого рода, удаленные от доступа воздуха, не только сохраняют заразную материю на неопределенный срок, но и усиливают ее активность и порождают ее, как живое существо, страшные последствия последовали в течение многих лет после того, как первая ярость моровой язвы прошла.

Поражение желудка, о котором часто упоминается в туманных выражениях, а иногда и как рвота кровью, несомненно, было лишь второстепенным симптомом, даже если признать, что гематемезис действительно имел место. Ведь для немедиков трудность отличить поток крови из желудка от легочного отхаркивания этой жидкости даже в обычных случаях немалая. Насколько же сильнее она должна была быть при такой страшной болезни, когда помощники не могли решиться подойти к больному, не подвергая себя верной смерти? До нас дошли только два медицинских описания этой болезни: одно - храброго Ги де Шолиака, другое - Раймона Шалина де Винарио, очень опытного ученого, хорошо знакомого с наукой того времени. В первом случае обращается внимание только на смертельный кашель с кровью; во втором, помимо этого, отмечаются эпистаксис, гематурия и истечение крови из кишечника как симптомы столь явной и быстрой смертности, что пациенты, у которых они наблюдались, обычно умирали в тот же или на следующий день.

То, что рвота кровью не могла иметь место, возможно, даже была распространена во многих местах, ни в коем случае нельзя отрицать, исходя из природы болезни; ведь любое гнилостное разложение жидкостей порождает склонность к кровотечениям всех видов. Здесь, однако, речь идет об исторической достоверности, которая, после этих сомнений, ни в коем случае не установлена. Если бы не столь быстрая смерть, последовавшая за отхаркиванием крови, мы, несомненно, получили бы более подробные сведения о других кровоизлияниях; но болезнь не успела распространить свое действие дальше, на конечности сосудов. Однако после того, как первая ярость была израсходована, мор перешел в обычную лихорадочную форму восточной чумы. Внутренних карбункулярных воспалений уже не было, а кровоизлияния стали явлениями, не более существенными при

этом, чем при других лихорадочных заболеваниях. Чалин, наблюдавший не только большую смертность 1348 года и чуму 1360 года, но и 1373 и 1382 годов, говорит о поражении горла и описывает задние пятна у больных чумой более удовлетворительно, чем кто-либо из его современников. Первое проявлялось лишь в немногих случаях и заключалось в карбункулярном воспалении глотки с затруднением глотания, вплоть до удушья, к которому в некоторых случаях добавлялось воспаление церуминозных желез ушей с опухолями, производившими сильное уродство. У таких пациентов, как и у других, наблюдалось отхаркивание крови; но обычно они умирали не раньше шестого, а иногда даже позже четырнадцатого дня. Подобное явление, как известно, не редкость и при других чумах; так же как и волдыри на поверхности тела, в разных местах, вблизи которых возникали опухолевидные железы и воспалительные нарывы, окруженные обесцвеченными и черными полосами, и таким образом указывавшие на прием яда. Эти полосатые пятна назывались, по меткому сравнению, поясом, и такой вид справедливо считался чрезвычайно опасным.

ГЛАВА III-ПРИЧИНЫ-РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Исследование причин Черной смерти не может не принести важных результатов в изучении чумы, посетившей мир, хотя оно не может продвинуться дальше обобщения, не вступив в область, до сих пор не возделанную и до сих пор совершенно неизвестную. Ему предшествовали мощные революции в организме Земли, о которых мы имеем достоверные сведения. От Китая до Атлантики основы земли были потрясены, во всей Азии и Европе атмосфера была в смятении и подвергала опасности своим пагубным влиянием как растительную, так и животную жизнь.

Череда этих великих событий началась в 1333 году, за пятнадцать лет до того, как чума разразилась в Европе: впервые они проявились в Китае. Здесь на территории, омываемой реками Кианг и Хоай, началась изнурительная засуха, сопровождавшаяся голодом. За этим последовали такие сильные ливни в Кинсae и его окрестностях, в то время столице империи, что, по преданию, более 400 000 человек погибли от наводнения. В конце концов гора Цинчеу обрушилась, и в земле образовались огромные расщелины. В следующем году (1334), минуя сказочные предания, наводнения посетили окрестности Кантона, а в Тче, после беспрецедентной засухи, разразилась чума, которая, как говорят, унесла около 5 000 000 человек. Через несколько месяцев после этого последовало землетрясение в Кинсae и его окрестностях; после обвала гор Ки-мин-чан образовалось озеро более ста лиг в окружности, где снова нашли свою могилу тысячи людей. В Хоукуанге и Хонане в течение пяти месяцев царила засуха; бесчисленные стаи саранчи уничтожали растительность, а голод и мор, как обычно, следовали за ними по пятам. От писателей XIV века не приходится ожидать связных рассказов о состоянии Европы перед этой великой катастрофой. Однако примечательно, что одновременно с засухой и повторными наводнениями в Китае в 1336 году на севере Франции наблюдалось множество необычных атмосферных явлений, а зимой - частые грозы; и уже в богатом событиями 1333 году произошло извержение Этны. Согласно китайским ежегодникам, в 1337 году в окрестностях Кианга от голода погибло около 4 000 000 человек; ливни, стаи саранчи и землетрясение, продолжавшееся шесть дней, вызвали невероятные разрушения. В том же году во Франкании появились первые стаи саранчи, которые в следующем году сменились мириадами этих насекомых. В 1338 году Кингсай посетило десятидневное землетрясение; в это же время Франция пострадала от неурожая; и с тех пор, вплоть до 1342 года, в Китае постоянно происходили наводнения, землетрясения и голод. В том же году в окрестностях Рейна и во Франции произошли великие наводнения, которые нельзя было объяснить только дождями; повсюду, даже на вершинах гор, пробивались источники, и сухие участки необъяснимым образом оказывались под водой. В следующем

году гора Хонг-чанг в Китае обрушилась и вызвала разрушительный потоп; а в Пьен-чеоне и Леанг-чеу после трехмесячных дождей последовали неслыханные наводнения, разрушившие семь городов. В Египте и Сирии произошли сильные землетрясения, а в Китае они с этого времени становились все более и более частыми; в 1344 году они повторились в Вен-тчеу, где вследствие этого разлилось море; в 1345 году - в Ки-тчеу, а в оба последующих года - в Кантоне, с подземными громами. Между тем наводнения и голод опустошали различные районы вплоть до 1347 года, когда ярость стихии в Китае утихла.

Признаки земных волнений начались в Европе в 1348 году, после того как, вероятно, таким же образом были посещены промежуточные районы Азии.

На острове Кипр уже разразилась чума с Востока, когда землетрясение потрясло фундамент острова и сопровождалось таким страшным ураганом, что жители, убившие своих рабов-магометан, чтобы самим не быть покоренными ими, в ужасе бежали во все стороны. Море переполнилось, корабли разбились о скалы, и лишь немногие пережили это ужасное событие, в результате которого этот плодородный и цветущий остров превратился в пустыню. Перед землетрясением вредоносный ветер распространил такой ядовитый запах, что многие, одолев его, внезапно падали и умирали в страшных муках.

Это явление - одно из самых редких, которые когда-либо наблюдались, поскольку нет ничего более постоянного, чем состав воздуха; и ни в одном отношении природа не была более заботлива в сохранении органической жизни. Никогда еще натуралисты не обнаруживали в атмосфере чужеродных элементов, которые, будучи очевидными для органов чувств и разносимые ветрами, распространялись от земли к земле, разнося болезни по целым участкам земли, как это, по преданию, произошло в 1348 году. Поэтому тем больше приходится сожалеть, что в этот необычный период, когда из-за низкого уровня развития науки не хватало точных наблюдателей, было зафиксировано так мало сведений о необычных явлениях в воздухе, на которые можно положиться. Тем не менее, в немецких рассказах прямо говорится, что густой, зловонный туман пришел с востока и распространился над Италией; в столь явном явлении не могло быть обмана. Достоверность неприкрашенных традиций, как бы мало они ни удовлетворяли физические исследования, едва ли можно поставить под сомнение, если учесть связь событий; ведь именно в это время землетрясения были более частыми, чем когда-либо в истории. В тысячах мест образовались пропасти, из которых вырывались ядовитые пары; а поскольку в то время природные явления превращались в чудеса, сообщалось, что огненный метеор, упавший на землю далеко на востоке, уничтожил все в радиусе более ста лиг, заразив воздух далеко-далеко. Последствия бесчисленных наводнений способствовали тому же эффекту; обширные районы рек превратились в болота; повсюду поднимались дурные испарения, усиленные запахом гнилой саранчи, которая, возможно, никогда не затмевала солнце в более густых стаях, и бесчисленных трупов, которые даже в благоустроенных странах Европы не умели достаточно быстро убирать с глаз живых. Поэтому вполне вероятно, что атмосфера в значительной степени содержала чужеродные и ощутимые примеси, которые, по крайней мере в нижних регионах, не могли быть разложены или неэффективны путем разделения.

Теперь, если вернуться к симптомам болезни, яростное воспаление легких указывает на то, что органы дыхания поддались атаке атмосферного яда - яда, который, если допустить независимое происхождение Черной чумы в какой-либо точке земного шара, в чем при столь необычных обстоятельствах трудно было бы сомневаться, воздействовал на кровообращение столь же враждебным образом, как тот, что вызывает воспаление селезенки, и другие животные заразы, вызывающие опухание и воспаление лимфатических желез.

Проследивая дальнейший ход этих грандиозных революций, мы узнаем о беспрецедентном землетрясении, которое 25 января 1348 года потрясло Грецию, Италию и соседние страны. Неаполь, Рим, Пиза, Болонья, Падуя, Венеция и многие другие города значительно пострадали; целые деревни были поглощены. Замки, дома и церкви были разрушены, а сотни людей погребены под их руинами. В Каринтии тридцать деревень вместе со всеми церквями были разрушены, из мусора извлекли более тысячи трупов, город Виллах был настолько полностью разрушен, что спаслись лишь немногие его жители, а когда земля перестала дрожать, оказалось, что горы сдвинулись со своих мест, многие деревушки лежали в руинах. Записано, что во время этого землетрясения вино в бочках стало мутным, что можно считать доказательством того, что произошли изменения, вызвавшие разложение атмосферы; но если у нас нет другой информации, на основании которой можно было бы сделать вывод о волнении противоборствующих сил природы во время этих потрясений, то научные наблюдения в наше время показали, что отношение атмосферы к земле изменяется под воздействием вулканического влияния. Почему же из этого факта мы не можем сделать ретроспективные выводы относительно этих необычных явлений?

Однако независимо от этого мы знаем, что во время этого землетрясения, продолжительность которого, по одним данным, составляла неделю, а по другим - две недели, люди испытывали необычное оцепенение и головную боль, а многие теряли сознание.

Эти разрушительные землетрясения распространялись вплоть до окрестностей Базеля и повторялись до 1360 года по всей Германии, Франции, Силезии, Польше, Англии и Дании, а также гораздо дальше на север.

Во многих местах появлялись огромные и необычные метеоры, к которым относились с суеверным ужасом. Огненный столб, который 20 декабря 1348 года в течение часа оставался на восходе солнца над дворцом папы в Авиньоне; огненный шар, который в августе того же года был виден на закате над Парижем и отличался от подобных явлений большей продолжительностью, не говоря уже о других случаях, перемешанных с чудесными пророчествами и предзнаменованиями, зафиксированы в хрониках той эпохи.

Порядок времен года, казалось, был перевернут; дожди, наводнения и неурожай были настолько распространены, что мало где их не было; и хотя историк этого века уверяет нас, что в житницах и хранилищах было изобилие, все его современники в один голос возражают ему. Последствия неурожая вскоре ощутились, особенно в Италии и близлежащих странах, где в этом году дождь, продолжавшийся четыре месяца, уничтожил посевы. В крупных городах весной 1347 года были вынуждены прибегнуть к раздаче хлеба среди бедняков, особенно во Флоренции, где возвели большие пекарни, из которых в апреле ежедневно раздавали девятьюстами четыре тысячи буханок хлеба, каждая весом в двенадцать унций. Однако очевидно, что гуманность могла лишь частично смягчить общее бедствие, но не полностью его устранить.

Болезни, неизменное следствие голода, вспыхивали как в деревнях, так и в городах; дети умирали от голода на руках у матери - нужда, несчастье и отчаяние охватили все христианство.

Таковы события, происходившие перед вспышкой Черной чумы в Европе. Современники объясняли их на свой манер и тем самым, как и их потомки, при аналогичных обстоятельствах доказывали, что смертные не обладают ни чувствами, ни интеллектуальными способностями, достаточно острыми, чтобы понять явления, производимые земным организмом, и тем более научно разобраться в их последствиях.

Суеверие, эгоизм в тысяче форм, самонадеянность школ ухватились за несвязанные факты. Они тщетно пытались постичь целое в отдельном человеке и не воспринимали универсальный дух, который в тесном единении с могущественными силами природы одушевляет движения всего сущего и не позволяет ни одному явлению возникнуть из отдельных причин. Попытка спустя пять столетий после той эпохи опустошения указать на причины космического переполоха, который никогда не повторялся в прежних масштабах, научно обосновать влияния, вызвавшие столь ужасающий яд в телах людей и животных, выходит за рамки человеческого понимания. Если мы даже сейчас не в состоянии, используя все разнообразные ресурсы расширенного знания о природе, определить то состояние атмосферы, при котором возникают моры, то тем более мы не можем претендовать на то, чтобы рассуждать ретроспективно от девятнадцатого до четырнадцатого века; но если мы возьмем общий взгляд на происшествия, то этот век даст нам обширную информацию, которая, будучи применимой ко всем последующим временам, имеет большое значение.

В ходе развития взаимосвязанных природных явлений с востока на запад отчетливо проявляется тот великий закон природы, который так часто и наглядно проявлялся в организме Земли, а также в состоянии зависящих от нее народов. В самых глубинах земного шара в 1333 году был дан импульс, который в течение шести и двадцати лет непрерывно сотрясал поверхность земли, вплоть до западных берегов Европы. С самого начала воздух принял земное сотрясение, атмосферные воды захлестнули землю, а растения и животные погибли под палящим зноем. Племя насекомых было чудесным образом вызвано к жизни, как будто одушевленным существам было суждено завершить разрушение, начатое астральными и теллурическими силами. Так из года в год продвигалась эта страшная работа природы; это была прогрессирующая инфекция зон, которая оказывала мощное влияние как над, так и под поверхностью земли; и после того, как она была ощутима в незначительных проявлениях, в начале земных волнений в Китае, она охватила всю землю.

Природа первой чумы в Китае неизвестна. У нас нет никаких определенных сведений об этой болезни, пока она не проникла в западные страны Азии. Здесь она проявилась как восточная чума с воспалением легких; в этой форме она, вероятно, и началась в Китае, то есть как болезнь, распространяющаяся более, чем любая другая, путем заражения - заражения, которое при обычной чуме требует непосредственного контакта и лишь при благоприятных обстоятельствах передается при редком приближении к больному. Доля, которую эта причина сыграла в распространении чумы по всей земле, несомненно, была очень велика; и мнение о том, что Черная смерть могла быть исключена из Западной Европы с помощью хороших правил, подобных тем, которые используются сейчас, имело бы все основания для современного опыта, если бы можно было доказать, что эта чума была действительно завезена с Востока или что восточная чума вообще, когда бы она ни появилась в Европе, имеет свое происхождение в Азии или Египте. Такое доказательство, однако, ни в коем случае не может быть представлено так, чтобы обеспечить убежденность; ибо оно подразумевало бы невозможное предположение, что либо нет существенной разницы между степенью цивилизации европейских народов в древнейшие и современные времена, либо что пагубные обстоятельства, которые уступили только цивилизации человеческого общества и регулярному возделыванию стран, не могли раньше поддерживать железистую чуму.

Однако чума была известна в Европе еще до того, как народы объединились узами торговли и социального общения; поэтому есть основания предполагать, что она возникла спонтанно, вследствие грубого образа жизни и некультуренного состояния земли - влияний, которые

особенно благоприятствуют возникновению тяжелых заболеваний. Теперь нам нет нужды возвращаться к более ранним векам, так как сам четырнадцатый, не успев и половины своего существования, был посещен пятью или шестью морами.

Если, таким образом, принять во внимание особое свойство чумы, что в странах, которые она однажды посетила, она долгое время остается в более мягкой форме, и что эпидемические влияния 1342 года, когда она появилась в последний раз, были особенно благоприятны для ее незаметного продолжения до 1348 года, то мы приходим к мысли, что в этот богатый событиями год в Южной Европе также существовали зародыши чумы, которые могли быть оживлены атмосферными ухудшениями; И что таким образом, по крайней мере частично, Черная чума могла возникнуть в самой Европе. Разрушение атмосферы пришло с Востока, но сама болезнь не прилетела на крыльях ветра, а была только возбуждена и усилена атмосферой, в которой она существовала ранее.

Однако этот источник Черной чумы был не единственным; ведь гораздо сильнее, чем возбуждение скрытых элементов чумы атмосферными влияниями, было воздействие заразы, передававшейся от одного народа к другому по большим дорогам и в гаванях Средиземноморья. Из Китая путь караванов лежал к северу от Каспийского моря, через Среднюю Азию, в Тавриду. Здесь корабли были готовы доставить продукцию Востока в Константинополь, торговую столицу и средство связи между Азией, Европой и Африкой. Другие караваны шли из Индии в Малую Азию и касались городов к югу от Каспийского моря, и, наконец, из Багдада через Аравию в Египет; немалое значение имело и морское сообщение по Красному морю, из Индии в Аравию и Египет. Во всех этих направлениях зараза проникала в страну; и, несомненно, Константинополь и гавани Малой Азии следует рассматривать как очаги инфекции, откуда она распространялась на самые отдаленные морские порты и острова.

В Константинополь чума была завезена с северного побережья Черного моря, после того как она обезлюдела в странах, расположенных между этими торговыми путями, и уже в 1347 году появилась на Кипре, Сицилии, в Марселе и некоторых морских портах Италии. Последовательно были посещены остальные острова Средиземноморья, в частности Сардиния, Корсика и Майорка. Очаги заразы существовали в полной активности и на всем южном побережье Европы, когда в январе 1348 года чума появилась в Авиньоне, других городах на юге Франции и севере Италии, а также в Испании.

Точные дни ее появления в отдельных городах уже не установить, но оно не было одновременным: во Флоренции болезнь появилась в начале апреля, в Чезене - 1 июня, и место за местом подвергалось нападению в течение всего года, так что чума, пройдя через всю Францию и Германию - где, однако, она не совершала своих опустошительных действий до следующего года, - вспыхнула только в августе в Англии, где она продвигалась так постепенно, что прошло три месяца, прежде чем она достигла Лондона. Северные королевства были атакованы ею в 1349 году; Швеция, правда, не раньше ноября того же года, почти через два года после ее извержения в Авиньоне. В Польшу чума попала в 1349 году, вероятно, из Германии, если не из северных стран; но в России она появилась только в 1351 году, более чем через три года после того, как вспыхнула в Константинополе. Вместо того чтобы продвигаться в северо-западном направлении от Тавриды и Каспийского моря, она, таким образом, совершила большой круг по Черному морю, пройдя через Константинополь, Южную и Центральную Европу, Англию, северные королевства и Польшу, прежде чем достигла русских территорий, - явление, которое не повторялось в отношении более поздних моров, зародившихся в Азии.

Существовало ли какое-либо различие между местной чумой, возбуждаемой влиянием атмосферы, и завезенной заразой, теперь уже невозможно установить на основании фактов, так как современники, которые в целом не были компетентны в проведении точных исследований такого рода, не оставили никаких данных по этому вопросу. Несомненно, существовали более легкие и более злокачественные формы, и первые не всегда происходили от вторых, как можно предположить, исходя из того обстоятельства, что плевки кровью, безошибочно диагностирующие последние при первой вспышке чумы, не упоминаются во всех отчетах; поэтому вполне вероятно, что более легкие формы принадлежали к местной чуме, а более злокачественные - к той, что была занесена инфекцией. Заражение, однако, само по себе было лишь одной из многих причин, породивших Черную чуму.

Эта болезнь была следствием сильных потрясений в земном организме - если вообще можно так считать болезнь космического происхождения. Одна пружина привела в движение тысячу других для уничтожения живых существ, временных или постоянных, промежуточных или непосредственных. Самой мощной из всех была зараза; в самых отдаленных странах, едва заслышав эхо первого сотрясения, люди пали жертвой органического яда - безвременного отпрыска жизненных энергий, пришедших в буйное волнение.

ГЛАВА IV - СМЕРТНОСТЬ

У нас нет определенной меры, с помощью которой можно было бы оценить опустошительные последствия Черной чумы, если бы потребовались цифровые данные, как в наше время. Давайте на мгновение вернемся в четырнадцатый век. Люди были еще мало цивилизованы. Церковь, конечно, покорила их, но все они страдали от дурных последствий своей первоначальной грубости. Господство закона еще не было утверждено. Государям повсюду приходилось бороться с могущественными врагами внутреннего спокойствия и безопасности. Города были крепостями для собственной защиты. Мародеры устраивали лагеря на дорогах. Крестьянин был феодальным рабом, не имеющим собственного имущества. Грубость была всеобщей, гуманность еще неизвестна людям. Ведьм и еретиков сжигали заживо. Мягких правителей считали слабыми; повсюду преобладали дикие страсти, суровость и жестокость. На человеческую жизнь мало кто обращал внимание. Правительства не заботились о численности своих подданных, о благополучии которых они обязаны были заботиться. Таким образом, первое необходимое условие для оценки человеческих потерь, а именно знание численности населения, полностью отсутствует; более того, традиционные заявления о количестве этих потерь настолько расплывчаты, что и из этого источника можно строить лишь предположения.

Каир ежедневно терял от 10 000 до 15 000 человек, когда чума свирепствовала с наибольшей силой; это столько же, сколько в современное время уносила большая чума за все время своего существования. В Китае, как говорят, умерло более тринадцати миллионов человек, и это соответствует, безусловно, преувеличенным данным из других стран Азии. Индия была обезлюжена. Тартария, татарское царство Капчак, Месопотамия, Сирия, Армения были покрыты мертвыми телами - курды тщетно бежали в горы. В Карамании и Кесарии не осталось ни одного живого. На дорогах, в лагерях, в караван-сараях можно было увидеть только непогребенные тела; и лишь несколько городов (арабские историки называют Маараэль-Нуман, Шисур и Харем) непостижимым образом оставались свободными. В Алеппо ежедневно умирало 500 человек; в Газе в течение шести недель было унесено 22 000 человек и большинство животных. Кипр потерял почти всех своих жителей, а корабли без экипажей часто видели в Средиземном, а затем и в Северном море, они разъезжали и распространяли чуму, где бы они ни выходили на берег. Папе Клименту в Авиньоне было

доложено, что на всем Востоке, вероятно, за исключением Китая, жертвами чумы стали 23 840 000 человек. Учитывая события четырнадцатого и пятнадцатого веков, мы можем, на первый взгляд, заподозрить точность этого заявления. Как (спросите вы) могли вестись столь масштабные войны, предприниматься столь мощные усилия, как могла быть свергнута Греческая империя всего сто лет спустя, если народ действительно был так полностью уничтожен?

Тем не менее, этот рассказ заслуживает доверия благодаря тому факту, что дворцы князей менее доступны для заразных болезней, чем жилища народа; и что в местах, имеющих большое значение, приток из тех районов, которые пострадали меньше всего, вскоре восстанавливает даже самые тяжелые потери. Мы также должны помнить, что без глубокого знания состояния общества мы не сможем многое понять на основании одних лишь цифр. Поэтому мы ограничимся приведением некоторых наиболее достоверных сведений о европейских городах.

Во Флоренции умерло от черной чумы 60 000 человек.

В Венеции - 100 000

В Марселе за один месяц - 16 000.

В Сиене-70 000

В Париже-50 000

В Сен-Дени-14 000

В Авиньоне-60 000

В Страсбурге-16 000

В Любеке - 9 000

В Базеле-14 000

В Эрфурте, по крайней мере, 16 000

В Веймаре - 5 000

В Лимбурге-2,500

В Лондоне, по меньшей мере, 100 000

В Норвиче - 51 100

К этому можно добавить

Францисканские монахи в Германии - 124 434

Минориты в Италии - 30 000

Этот краткий каталог может быть легко увеличен путем трудоемких и неопределенных расчетов, выведенных из других источников, но все равно не даст истинного представления о произошедшей депопуляции. Любек, в то время Северная Венеция, которая уже не могла вместить толпы людей, стекавшихся к ней, был повергнут в такое смятение при вспышке чумы, что горожане уничтожали себя, словно в бешенстве.

Купцы, чьи доходы и имущество были безграничны, холодно и охотно отказывались от своих земных благ. Они несли свои сокровища в монастыри и церкви и клали их к подножию алтаря; но золото не действовало на монахов, ибо приносило им смерть. Они закрывали свои ворота, но все равно его бросали им через монастырские стены. Люди не желали препятствовать последнему благочестивому делу, на которое их толкало отчаяние. Когда чума прекратилась, людям казалось, что они все еще бродят среди мертвецов, настолько ужасающим был синюшный вид оставшихся в живых людей, вызванный пережитыми волнениями и неизбежным заражением воздуха. Многие другие города, вероятно, выглядели подобным образом; установлено, что множество небольших провинциальных

городков и деревень, число жителей которых оценивается, и не слишком высоко, в 200 000 человек, лишились всех своих жителей.

Во многих местах Франции в живых осталось не более двух из двадцати жителей, а столица ощутила на себе ярость чумы как во дворце, так и в койке.

Две королевы, один епископ и множество других знатных особ стали ее жертвой, и более 500 человек в день умирали в Отеле Дье, под верным присмотром сестер милосердия, чье бескорыстное мужество в эту эпоху ужаса демонстрировало самые прекрасные черты человеческой добродетели. И хотя они погибали, очевидно, от заразы, а их число несколько раз возобновлялось, все равно не было недостатка в новых кандидатах, которые, чуждые нехристианскому страху смерти, благочестиво посвящали себя своему святому призванию.

Церковные дворы вскоре оказались не в состоянии вместить умерших, а многие дома, оставшиеся без жителей, превратились в руины.

В Авиньоне папа счел необходимым освятить Рону, чтобы тела без промедления бросали в реку, поскольку церковные дворы уже не вмещали их; так же и во всех густонаселенных городах были приняты чрезвычайные меры, чтобы быстрее избавиться от мертвых. В Вене, где в течение некоторого времени ежедневно умирало 1200 жителей, было немедленно запрещено хоронить трупы в церковных дворах и в церквях; затем умерших укладывали тысячами в шесть больших ям за городом, как это уже было сделано в Каире и Париже. И все же многих хоронили тайно, потому что во все времена люди привязаны к освященным кладбищам своих умерших и не отказываются от привычного способа погребения.

Во многих местах ходили слухи, что больных чумой хоронят заживо, как это иногда случается из-за бессмысленной тревоги и неприличной поспешности; таким образом, ужас страдающих людей повсеместно усиливался. В Эрфурте, после того как церковные дворы были заполнены, 12 000 трупов были сброшены в одиннадцать больших ям; то же самое, более или менее точно, можно сказать обо всех крупных городах. Похоронные церемонии, последнее утешение оставшихся в живых, были повсеместно неосуществимы.

Во всей Германии, согласно вероятному подсчету, погибло, по-видимому, всего 1 244 434 жителя; эта страна, однако, была пощажена больше других: Италия, напротив, пострадала сильнее всех. Говорят, что она потеряла половину своих жителей, и этот отчет становится достоверным благодаря огромным потерям отдельных городов и провинций: Так, на Сардинии и Корсике, по свидетельству выдающегося флорентийца Иоанна Виллани, которого самого унесла черная чума, в живых осталась едва ли третья часть населения; а о венецианцах рассказывают, что они по высокой цене нанимали корабли, чтобы отступить на острова; так что после того, как чума унесла три четверти жителей, этот гордый город остался заброшенным и опустевшим. В Падуе после прекращения чумы не осталось и двух третей жителей, а во Флоренции было запрещено публиковать число умерших и звонить в колокола на их похоронах, чтобы живые не впадали в отчаяние.

Мы располагаем более точными сведениями об Англии; большинство крупных городов понесли невероятные потери; прежде всего Ярмут, в котором погибло 7052 человека; Бристоль, Оксфорд, Норвич, Лестер, Йорк и Лондон, где только в одном захоронении было погребено до 50 000 трупов, уложенных слоями в большие ямы. Говорят, что во всей стране в живых осталась едва ли десятая часть, но эта оценка, очевидно, слишком высока. Меньших потерь было достаточно, чтобы вызвать те конвульсии, последствия которых ощущались в течение нескольких столетий в виде ложного импульса, приданного гражданской жизни, и

чье косвенное влияние, неизвестное англичанам, возможно, распространилось даже на современность.

Нравственность повсеместно ухудшилась, а служение Богу было в значительной степени отброшено; во многих местах церкви опустели, лишившись своих священников. Обучение народа было затруднено, любопытство стало всеобщим, а когда спокойствие было восстановлено, поразило огромное количество адвокатов, которым бесконечные споры о наследстве принесли богатый урожай. Нехватка священников по всей стране также очень пагубно сказывалась на людях (низшие классы были наиболее подвержены опустошительному воздействию чумы, в то время как дворянские дома, напротив, были гораздо более пощажены), и это не было компенсацией того, что целые группы невежественных мирян, потерявших своих жен во время моровой язвы, толпились в монашеских орденах, чтобы участвовать в респектабельности священства и в богатых наследствах, которые поступали в Церковь со всех сторон. Заседания парламента, королевской скамьи и большинства других судов были приостановлены на время, пока свирепствовала болезнь. Законы мира не помогали во время владычества смерти. Папа Климент воспользовался этим состоянием беспорядка, чтобы уладить кровавую ссору между Эдуардом III и Филиппом VI; однако ему это удалось только в тот период, когда чума поддерживала мир. Смерть Филиппа (1350) аннулировала все договоры, и, как рассказывают, Эдуард, правда, с другими войсками, но с теми же вождями и рыцарями, снова вышел на поле боя. Ирландия пострадала гораздо меньше, чем Англия. Болезнь, похоже, почти не достигла горных районов этого королевства; да и Шотландия, возможно, осталась бы свободной, если бы шотландцы не воспользовались замешательством англичан, чтобы вторгнуться на их территорию, что закончилось уничтожением их армии чумой и мечом, а также распространением моровой язвы через тех, кто спасся, на всю страну.

В самом начале в Англии был избыток всего необходимого для жизни; но чума, которая тогда казалась единственной болезнью, вскоре сопровождалась смертельным мором среди скота. Блуждая без пастухов, они падали тысячами; и, как это наблюдалось в Африке, хищные птицы и звери, как говорят, не трогали их. Какова была природа этой чумы, невозможно определить, возникла ли она в результате общения с больными чумой или по другим причинам; но точно известно, что она началась только после начала Черной смерти. Вследствие этого дождя и невозможности убрать кукурузу с полей повсеместно наблюдался большой рост цен на продукты питания, который многие считали необъяснимым, поскольку урожай был обильным; другие объясняли его злыми замыслами рабочих и торговцев; но на самом деле он был основан на фактическом дефиците, возникающем в силу обстоятельств, на которых отдельные классы во все времена старались нажиться. Целый год, до самого конца августа 1349 года, Черная чума царила на этом прекрасном острове и повсюду отравляла источники комфорта и процветания.

В других странах она, как правило, длилась всего полгода, но часто возвращалась в отдельных местах; поэтому некоторые, не имея достаточных доказательств, приписывали ей семилетний период.

Испания непрерывно страдала от черной чумы до 1350 года, чему в немалой степени способствовали частые внутренние распри и войны с маврами. Альфонсо XI, чья страсть к войне завела его слишком далеко, умер от нее при осаде Гибралтара, 26 марта 1350 года. Он был единственным королем в Европе, который пал жертвой этой болезни; но еще до этого периода бесчисленные семьи были брошены на произвол судьбы. В остальном смертность в Испании была меньше, чем в Италии, и примерно такой же значительной, как во Франции.

Весь период, в течение которого Черная чума с разрушительной силой свирепствовала в Европе, длился, за исключением России, с 1347 по 1350 год. Чума, которая впоследствии часто возвращалась вплоть до 1383 года, не относится к "Великой смертности". Это были скорее обычные моры, без воспаления легких, как в прежние времена, так и в последующие столетия, возбуждаемые повсеместно существовавшей заразной материей, которая при каждом благоприятном случае вновь набирала силу, как это обычно бывает с этой страшной болезнью.

Особенно опасным было скопление больших масс людей; так, преждевременное празднование юбилея, на который Климент VI призвал верующих в Рим (1350) во время великой эпидемии, вызвало новую вспышку чумы, от которой, как говорят, спасся едва ли один из ста паломников.

В результате Италия вновь обезлюдела, а те, кто вернулся, распространяли яд и развращение нравов во всех направлениях. Поэтому тем более непонятно, как Папа, в целом столь мудрый и внимательный, знавший, как идти по пути разума и гуманности в самых сложных обстоятельствах, должен был принять столь пагубную меру; ведь он сам был настолько убежден в благотворном влиянии уединения, что во время чумы в Авиньоне поддерживал постоянные костры и не допускал к себе никого, а в других отношениях отдавал такие распоряжения, которые предотвращали или облегчали многие страдания.

Изменения, произошедшие в этот период на севере Европы, достаточно памятливы, чтобы уделить им несколько минут внимания. В Швеции умерли два принца - Хакен и Кнут, сводные братья короля Магнуса; а в одном только Вестготланде - 466 священников. Жители Исландии и Гренландии не нашли в холоде своего негостеприимного климата никакой защиты от южного врага, проникшего к ним из более счастливых стран. Чума произвела среди них большой хаос. Природа не приняла во внимание их постоянную борьбу со стихиями и скудость, с которой она отнеслась к их жизненным благам. Однако в Дании и Норвегии люди были настолько заняты своими несчастьями, что привычные путешествия в Гренландию прекратились. В то же время на побережье Восточной Гренландии в результате общего сотрясения земного организма образовались огромные айсберги, и с тех пор никто из смертных никогда не видел ни этого берега, ни его обитателей.

Выше уже отмечалось, что в России черная чума вспыхнула только в 1351 году, после того как она уже прошла через юг и север Европы. В этой стране смертность также была чрезвычайно велика, и наблюдались те же сцены страдания и отчаяния, что и у тех народов, которые уже прошли через это испытание: тот же способ погребения, та же ужасающая уверенность в смерти, то же оцепенение и подавленность духа. Богатые люди отказывались от своих сокровищ, отдавали свои деревни и поместья церквям и монастырям, что, по представлениям того времени, было самым верным способом добиться благосклонности Небес и прощения прошлых грехов. В России голос природы тоже был заглушен страхом и ужасом. В час опасности отцы и матери бросали своих детей, а дети - своих родителей.

Из всех оценок числа погибших в Европе наиболее вероятной является та, что в плен попала четвертая часть жителей. Так, если в Европе в настоящее время проживает 210 000 000 человек, то в XVI веке население, если не брать более высокую оценку, которая может быть легко оправдана, составляло не менее 105 000 000 человек.

Поэтому можно без преувеличения предположить, что Европа потеряла во время Черной смерти 25 000 000 жителей.

То, что ее народы смогли так быстро преодолеть столь страшное сотрясение внешних обстоятельств и, в целом, не отступив больше, чем на самом деле, смогли так развить свою энергию в следующем столетии, является самым убедительным доказательством несокрушимости человеческого общества в целом. Однако полагать, что оно не претерпело никаких существенных внутренних изменений, поскольку внешне все оставалось по-прежнему, несовместимо со справедливым взглядом на причину и следствие. Многие историки, по-видимому, придерживались такого мнения; они привыкли, как обычно, судить о нравственном состоянии народа исключительно по превратностям земной власти, событиям битв и влиянию религии, но с безразличием обходить стороной великие явления природы, которые изменяют не только поверхность земли, но и человеческий разум. Поэтому большинство из них лишь поверхностно коснулись "Великой смертности" XIV века. Мы же, со своей стороны, убеждены, что в истории мира Черная смерть является одним из важнейших событий, подготовивших почву для нынешнего состояния Европы.

Тот, кто внимательно изучает человеческий разум и выносит взвешенное суждение об интеллектуальных силах, приводящих в движение народы и государства, возможно, найдет некоторые подтверждения этому утверждению в следующих наблюдениях: - В то время продвижение иерархии в большинстве стран было необычайным, ибо церковь приобрела сокровища и большие земельные владения, даже в большей степени, чем после крестовых походов; но опыт показал, что такое положение вещей губительно для народа и заставляет его регрессировать, что и было продемонстрировано в этом случае.

После прекращения Черной чумы повсеместно отмечалась повышенная плодовитость женщин - грандиозное явление, которое, возникая после каждого разрушительного мора, доказывает, если это вообще возможно, преобладание высшей силы в направлении общей органической жизни. Браки были почти без исключения плодовитыми, а двойные и тройные роды случались чаще, чем в другие времена; в связи с этим следует вспомнить странное замечание, что после "Великой смертности" у детей, как говорят, стало меньше зубов, чем раньше; современники были сильно шокированы, да и более поздние писатели испытывали удивление.

Если мы проанализируем основания этого часто повторяемого утверждения, то обнаружим, что они были удивлены, увидев детей, у которых прорезалось двадцать или, самое большее, двадцать два зуба, полагая, что раньше на их долю выпадало большее количество. Некоторые авторитетные авторы, как, например, врач Савонарола из Феррары, который, вероятно, искал у детей двадцать восемь зубов, опубликовали свои мнения по этому поводу. Другие копировали их, не видя сами, как это часто бывает в других вопросах, которые столь же очевидны; и таким образом мир поверил в чудо несовершенства человеческого тела, вызванного Черной чумой.

Люди постепенно утешились после перенесенных страданий; мертвые были оплаканы и забыты, и в бурных превратностях бытия мир принадлежал живым.

ГЛАВА V - МОРАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Душевное потрясение, которое испытали все народы во время распространения Черной чумы, не имеет аналогов и не поддается описанию. В глазах робких людей опасность была несомненным предвестником смерти; многие пали жертвой страха при первом же появлении чумы, а самые стойкие потеряли уверенность в себе. Таким образом, после того как надежда на будущее угасла, духовный союз, связывающий человека с его семьей и ближними, постепенно распался. Благочестивые люди закрывали свои счета с миром - перед ними

представала вечность, и единственным их желанием оставалось участие в утешениях религии, потому что для них смерть была лишена своего жала.

Покаяние охватывало преступника, призывая его посвятить оставшиеся часы жизни исполнению христианских добродетелей. Все умы были направлены на созерцание будущего, а детей, которые безропотно проявляют более возвышенные чувства души, часто видели, как они, страдая от чумы, испускали дух в молитвах и благодарственных песнях.

Ужасное чувство раскаяния охватило христиан всех общин; они решили оставить свои пороки, загладить прошлые обиды, прежде чем их призовут сюда, искать примирения со своим Создателем и отвратить с помощью самобичевания наказание, положенное за их прежние грехи. Человеческая природа была бы возвышена, если бы бесчисленные благородные поступки, которые во времена самой непосредственной опасности совершались в тайне, были записаны в назидание будущим поколениям. Однако они не оказывают никакого влияния на ход земных событий. Они известны лишь молчаливым очевидцам и вскоре предаются забвению. Но лицемерие, иллюзии и фанатизм неудержимо преследуют нас; они оскверняют то, что благородно, извращают то, что божественно, в нечестивых целях эгоизма, который торопит всякое доброе чувство в ложном возбуждении века. Так было и в годы этой чумы. В четырнадцатом веке монашеская система была еще в полном расцвете сил, власть церковных орденов и братств почиталась народом, а иерархия все еще была грозной для мирской власти. Поэтому естественной конституцией общества было то, что фанатичное рвение, которое в такие времена выставляет напоказ публичные акты покаяния, должно было использовать видимость религии. Но это происходило так, что необузданное, своевольное покаяние перерастало в слабование, отказ от послушания иерархии и подготовка страшной оппозиции Церкви, парализованной древними формами.

В то время как все страны были наполнены плачем и скорбью, в Венгрии, а затем и в Германии возникло Братство Флагеллантов, называемое также Братьями Креста, или Крестоносцами, которые взяли на себя покаяние людей в совершенных ими грехах и возносили молитвы и мольбы об избавлении от этой чумы. Этот орден состоял в основном из людей низшего сословия, которые либо были движимы искренним раскаянием, либо с радостью пользовались этим предлогом для безделья и торопились вместе с приливом отвлекающего безумия. Но по мере того как эти братства приобретали все большую известность и принимались народом с почтением и энтузиазмом, многие дворяне и церковники становились под их знамена; нередко их отряды пополнялись детьми, почтенными женщинами и монахинями; так сильно поработались этим увлечением умы самых противоположных темпераментов. Они шествовали по городам в хорошо организованных процессиях, с вождями и певцами; их головы были покрыты до самых глаз, взгляд устремлен в землю и сопровождается всеми признаками глубочайшего раскаяния и скорби. Они были одеты в мрачные одежды, с красными крестами на груди, спине и шапке, и несли тройные бичи, завязанные на три или четыре узла, в которых были закреплены железные острия. Перед ними несли лампы и великолепные знамена из бархата и золотой ткани; где бы они ни появлялись, их встречал звон колоколов, и народ стекался со всех концов, чтобы послушать их гимны и засвидетельствовать их покаяние с преданностью и слезами.

В 1349 году двести флагеллантов впервые вошли в Страсбург, где были приняты с большой радостью и гостеприимно размещены горожанами. Более тысячи человек присоединились к братству, которое теперь приняло вид бродячего племени и разделилось на две части, чтобы отправиться на север и на юг. Более полугода еженедельно прибывали новые партии, и при каждом прибытии взрослые и дети покидали свои семьи, чтобы сопровождать их, пока

в конце концов их святость не была поставлена под сомнение, и двери домов и церквей не закрылись перед ними. В Спиресе двести мальчиков, не старше двенадцати лет, объединились в Крестовое братство, подражая детям, которые около ста лет назад по наущению фанатичных монахов объединились для возвращения Гроба Господня. Все жители этого города были увлечены иллюзией; они проводили чужестранцев в свои дома с благодарственными песнями, чтобы побаловать их на ночь. Женщины вышивали для них знамена, и все стремились приумножить их пышность; с каждым последующим паломничеством их влияние и репутация росли.

Этому способствовали не только отдельные регионы страны: вся Германия, Венгрия, Польша, Богемия, Силезия и Фландрия отдавали дань мании; в конце концов они стали столь же грозными для светской, как и для церковной власти. Влияние этого фанатизма было огромным и угрожающим и напоминало то волнение, которое за двести пятьдесят лет до этого призвало всех жителей Европы в пустыни Сирии и Палестины. Само по себе это явление не было новым. Еще в одиннадцатом веке многие верующие в Азии и Южной Европе подвергали себя наказанию флагелляцией. Доминик Лорикатус, монах из Сан-Кроче д'Авеллано, упоминается как мастер и образец этого вида умерщвления плоти, который, согласно примитивным представлениям азиатских анхоритов, считался истинно христианским. Автор торжественных процессий флагеллантов, как говорят, был святой Антоний; ведь даже в его время (1231 год) этот вид покаяния был настолько в моде, что записан как событие в мировой истории. В 1260 году флагелланты появились в Италии под именем *девоти*. "Когда земля была загрязнена пороками и преступлениями, беспримерный дух раскаяния внезапно овладел умами итальянцев. Страх перед Христом охватил всех: знатные и не знатные, старые и молодые, и даже дети пяти лет, маршировали по улицам, не прикрываясь ничем, кроме платка вокруг талии. Каждый из них нес бич из кожаных ремешков, который они, среди вздохов и слез, прикладывали к своим конечностям с такой силой, что из ран текла кровь. Не только днем, но и ночью, в самую суровую зиму, они проходили по городам с горящими факелами и знаменами, тысячами и десятками тысяч, во главе со своими жрецами, и преклоняли колена перед алтарями. Таким же образом они действовали и в деревнях: леса и горы гудели от голосов тех, кто возносил свои вопли к Богу. Только меланхоличное пение кающихся было слышно. Враги примирялись; мужчины и женщины соревновались друг с другом в великолепных делах милосердия, как будто боялись, что Божественное всемогущество вынесет им приговор об уничтожении".

Паломничества флагеллантов распространились по всей провинции Южной Германии, вплоть до Саксонии, Богемии, Польши и даже дальше; но священники в конце концов воспротивились этому опасному фанатизму, не сумев искоренить иллюзию, которая была выгодна иерархии до тех пор, пока она подчинялась ее власти. Регниер, отшельник из Перуджи, записан как фанатичный проповедник покаяния, с которого и началась эта экстравагантность. В 1296 году в Страсбурге состоялась большая процессия флагеллантов, а в 1334 году, за четырнадцать лет до Великой Смерти, проповедь Вентурина, доминиканского монаха из Бергамо, побудила более 10 000 человек совершить новое паломничество. Они бичевали себя в церквях, а на рыночных площадях их развлекали за государственный счет. В Риме Вентуринус был осмеян и изгнан папой в горы Рикондона. Он терпеливо перенес все, отправился в Святую землю и умер в Смирне в 1346 году. Таким образом, мы видим, что этот фанатизм был манией средневековья, которая в 1349 году, по столь страшному случаю и пока еще так свежа в памяти, не нуждалась в новом основателе; о котором, правда, все записи молчат. Вероятно, она возникла во многих местах в одно и то же время; ведь ужас перед смертью, охвативший все народы и внезапно приведший в движение

столь мощные импульсы, мог легко вызвать фанатизм преувеличенного и всепоглощающего покаяния.

Манеры и действия флагеллантов XIII и XIV веков в точности повторяют друг друга. Но если во время Черной чумы им на помощь пришло простое легкоеверие, принявшее в качестве утешения грубейшее заблуждение религиозного энтузиазма, то очевидно, что лидеры должны были быть тесно сплочены и пользоваться властью тайной ассоциации. Кроме того, грубая группа, как правило, находилась под контролем людей образованных, некоторые из которых, по крайней мере, несомненно, преследовали другие цели, не зависящие от тех, которые внешне проявлялись. Тот, кто желал вступить в братство, должен был оставаться в нем тридцать четыре дня и иметь в своем распоряжении четыре пенсы в день, чтобы не быть обременительным для кого-либо; если он был женат, то должен был получить согласие жены и дать заверение, что примирился со всеми людьми. Братьям Креста не разрешалось искать свободных помещений или даже входить в дом без приглашения; им запрещалось общаться с женщинами; если они нарушали эти правила или действовали без благоразумия, то обязаны были исповедоваться настоятелю, который приговаривал их к нескольким ударам бича в качестве покаяния. Экклезиасты как таковые не имели среди них никакого превосходства; по их первоначальному закону, который, однако, часто нарушался, они не могли становиться магистрами или принимать участие в тайных советах. Покаяние совершалось дважды в день: утром и вечером они парами выходили на улицу, распевая псалмы под звон колоколов; прибыв к месту порки, они раздевали верхнюю часть тела и снимали обувь, оставляя на себе лишь льняное платье, доходившее от талии до щиколоток. Затем они ложились в большой круг, в разных позах, в зависимости от характера преступления: прелюбодей - лицом к земле; лжесвидетель - на одну сторону, подняв вверх три пальца и т. д., и подвергались бичеванию, одни больше, другие меньше, со стороны Мастера, который приказывал им встать, произнося слова по установленной форме. После этого они бичевали себя, под пение псалмов и громкие мольбы об избавлении от чумы, с генуфлексиями и другими церемониями, о которых современные писатели приводят различные свидетельства; и в то же время постоянно хвастались своим покаянием, что кровь их ран смешалась с кровью Спасителя. В заключение один из них опустил письмо, которое, как утверждалось, ангел принес с небес в церковь Святого Петра в Иерусалиме, в котором говорилось, что Христос, сильно недовольный грехами людей, по заступничеству Пресвятой Девы и ангелов даровал всем, кто будет скитаться тридцать четыре дня и бичевать себя, причастие к Божественной благодати. Эта сцена вызвала среди верующих такой же большой переполох, как и находка святого копья в Антиохии; и если кто-то из духовенства спрашивал, кто запечатал письмо, ему смело отвечали: тот же, кто запечатал Евангелие!

Все это произвело столь мощный эффект, что Церковь оказалась в большой опасности; ведь флагелланты пользовались большим авторитетом, чем священники, от которых они так полностью отстранились, что даже отпускали грехи друг другу. Кроме того, они повсеместно завладели церквями, а их новые песни, переходившие из уст в уста, сильно действовали на умы людей. В этих гимнах, особенно в главной псалме крестоносцев, который сохранился до наших дней и который пели по всей Германии на разных диалектах, явно прослеживается большой энтузиазм и первоначально благочестивые чувства, и, вероятно, он имеет более древнюю дату. Дегенерация, однако, вскоре прокралась внутрь; преступления совершались повсеместно; и не нашлось энергичного человека, способного направить индивидуальное возбуждение на более чистые цели, даже если бы в тот ранний период было возможно

оказать эффективное сопротивление разваливающейся церкви и сдержать фанатизм. Флагелланты иногда брались испытать свою способность творить чудеса, как, например, в Страсбурге, где они попытались в своем кругу оживить мертвого ребенка: однако им это не удалось, и их неумелость принесла им много вреда, хотя им удавалось то тут, то там поддерживать некоторое доверие к своему святому призванию, притворяясь, что они обладают способностью изгонять злых духов.

Братство Креста объявило, что паломничество флагеллантов будет продолжаться в течение тридцати четырех лет; и многие из мастеров, несомненно, решили создать прочную лигу против Церкви; но они зашли слишком далеко. Уже в первый год их существования всеобщее негодование положило конец их интригам, так что строгие меры, принятые императором Карлом IV и папой Климентом, который в течение всего этого страшного периода проявлял благоразумие и благородство и вел себя так, как подобает его высокому положению, были легко приведены в исполнение.

Парижская Сорбонна и император Карл уже обратились к Святому Престолу за помощью против этих грозных и еретических эксцессов, которые почти уничтожили влияние духовенства во всех местах; когда сто человек из Братства Креста прибыли в Авиньон из Базеля и попросили о приеме. Папа, несмотря на заступничество нескольких кардиналов, запретил им публичное покаяние, на которое он не давал разрешения, и под страхом отлучения запретил всему христианству продолжать эти паломничества. Филипп VI, поддержанный осуждающим приговором Сорбонны, запретил их прием во Франции. Манфред, король Сицилии, в то же время угрожал им смертной казнью; а на Востоке им противостояли несколько епископов, среди которых были Янусий, Гнесенский, и Прецлав, Бреславский, которые приговорили к смерти одного из их магистров, бывшего дьяконом, и, в соответствии с варварством того времени, публично сожгли его. В Вестфалии, где незадолго до этого почитали братьев Креста, теперь преследовали их с неумолимой жестокостью; и в Марке, как и во всех других странах Германии, они преследовали их так, словно те были авторами всех несчастий.

Крестные ходы Братства, несомненно, способствовали распространению чумы; очевидно, что мрачный фанатизм, порождавший их, вливал новый яд в и без того унылые умы людей.

Однако все это не выходило за рамки варварского энтузиазма; но ужасными были гонения на евреев, которые совершались в большинстве стран с еще большим ожесточением, чем в двенадцатом веке, во время первых крестовых походов. При любой разрушительной моровой язве простые люди сначала приписывают смертность яду. Никакие наставления не помогают; предполагаемое свидетельство их зрения становится для них доказательством, и они авторитетно требуют жертв своей ярости. На кого же можно было обрушить свой гнев, как не на иудеев, ростовщиков и чужеземцев, враждовавших с христианами? Их повсюду подозревали в том, что они отравили колодцы или заразили воздух. Считалось, что только они принесли христианам эту страшную смерть. Поэтому их преследовали с беспощадной жестокостью и либо без разбора отдавали на растерзание населению, либо приговаривали к кровавым судам, которые со всей строгостью закона приговаривали их к сожжению заживо. В такие времена много говорят о виновности и невинности, но ненависть и месть уничтожают всякую дискриминацию, а малейшая вероятность превращает подозрение в уверенность. Эти кровавые сцены, опозорившие Европу в XIV веке, являются аналогом аналогичной мании того времени, проявившейся в преследовании ведьм и колдунов; и, как и эти, они доказывают, что энтузиазм, связанный с ненавистью и объединяющий низменные

страсти, может действовать на целые народы сильнее, чем религия и правопорядок; более того, он даже знает, как воспользоваться авторитетом обоих, чтобы с большей уверенностью насытить кровью меч долго сдерживаемой мести.

Преследование евреев началось в сентябре и октябре 1348 года в Шильоне, на Женевском озере, где против них было возбуждено первое уголовное дело, после того как народ уже давно обвинил их в отравлении колодцев; аналогичные сцены последовали в Берне и Фрейбурге в январе 1349 года. Под воздействием мучительных страданий истерзанные евреи признали себя виновными в преступлении, которое им вменялось в вину; и когда было подтверждено, что в колодце в Цоффингене действительно был найден яд, это сочли достаточным доказательством, чтобы убедить мир, и преследование отвратительных преступников стало оправданным. И хотя мы не можем не согласиться с этими процессами, как и с многочисленными признаниями ведьм, поскольку вопросы фанатичных и кровожадных трибуналов были настолько сложны, что с помощью дыбы неизбежно можно было получить нужный ответ; кроме того, человеческой природе свойственно, что преступления, которые на слуху у всех, в конце концов, могут быть действительно совершены некоторыми, либо из распутства, либо из мести, либо из отчаяния: Однако преступления и обвинения в подобных обстоятельствах являются лишь порождением мстительного, неистового духа в народе; и обвинители, согласно основополагающим принципам морали, которые одинаковы во все века, являются более виновными нарушителями.

Уже осенью 1348 года страшная паника, вызванная этим мнимым обездоливанием, охватила все народы; в Германии были заложены источники и колодцы, чтобы никто не мог пить из них или использовать их содержимое в кулинарных целях, и долгое время жители многочисленных городов и деревень пользовались только речной и дождевой водой. Городские ворота также охранялись с величайшей осторожностью: в них впускали только доверенных лиц, а если в руках незнакомца оказывалось лекарство или любой другой предмет, который можно было предположить, что он ядовит, - а это было вполне естественно, что некоторые имели при себе такие предметы для личного пользования, - их заставляли проглотить часть этого лекарства. В результате этого тяжелого состояния лишений, недоверия и подозрений ненависть к предполагаемым отравителям значительно усилилась и часто выливалась в народные волнения, которые только еще больше разжигали самые дикие страсти. Знатные и подлые люди бесстрашно связали себя клятвой истреблять евреев огнем и мечом и отнимать их у своих покровителей, которых было так мало, что во всей Германии можно назвать лишь несколько мест, где эти несчастные не считались бы преступниками, не подвергались мученической смерти и сожжению. Изерна в города Базель, Фрайбург-ин-Брайсгау и Страсбург были направлены торжественные повестки с требованием преследовать евреев как отравителей. Бургомистры и сенаторы, правда, воспротивились этому требованию; но в Базеле народ заставил их связать себя клятвой сжечь евреев и запретить лицам этой общины въезжать в их город в течение двухсот лет. После этого всех евреев Базеля, число которых не могло быть незначительным, заключили в деревянное здание, построенное специально для этой цели, и сожгли вместе с ним, по одному лишь крику народа, без приговора и суда, которые, впрочем, ничего бы им не дали. Вскоре после этого то же самое произошло во Фрейбурге. В Беннефельде, в Эльзасе, состоялся очередной сейм, на котором епископы, лорды и бароны, а также депутаты от графств и городов советовались, как им поступить с евреями; И когда депутаты Страсбурга - не епископ этого города, который оказался ярким фанатиком, - высказались в пользу преследуемых, поскольку против них не было выдвинуто ничего преступного, поднялся большой шум, и их горячо спросили, почему, если это так, они закрыли свои колодцы и убрали ведра. Был принят кровавый указ, по которому народ, повинувшись призыву знати и

высшего духовенства, стал лишь слишком охотным палачом. Везде, где евреев не сжигали, их, по крайней мере, изгоняли; вынужденные скитаться, они попадали в руки деревенских жителей, которые, не считаясь ни с какими законами, преследовали их огнем и мечом. В Шпире иудеи, доведенные до отчаяния, собрались в своих жилищах, которые они подожгли и таким образом уничтожили себя вместе со своими семьями. Тех немногих, кто остался, заставили принять крещение, а трупы убитых, которые валялись на улицах, положили в пустые винные бочки и скатили в Рейн, чтобы они не заразили воздух. Толпе было запрещено входить в развалины домов, сожженных в еврейском квартале, так как сам сенат приказал искать сокровища, которые, как говорят, были очень значительными. В Страсбурге две тысячи евреев были заживо сожжены на их собственном кладбище, где был воздвигнут большой эшафот: несколько человек, обещавших принять христианство, были пощажены, а их детей забрали из кучи. Молодость и красота нескольких женщин также вызвали некоторое сочувствие, и их вырвали из смерти против их воли; многие, однако, кто насильно убежал из огня, были убиты на улицах.

Сенат приказал вернуть должникам все залоги и облигации, а деньги разделить между рабочими. Многие, однако, отказались принять базовую цену крови и, возмущенные сценами кровавой скупости, которые заставляли разъяренную толпу забыть о том, что вокруг свирепствует чума, по совету своих духовников отдали их в монастыри. Во всех странах на Рейне эти жестокости продолжались в течение последующих месяцев; а после того, как в некоторой степени восстановилось спокойствие, люди решили оказать благотворительную услугу Богу, взяв кирпичи из разрушенных домов и надгробные камни евреев для ремонта церквей и возведения колоколен.

Только в Майенсе, как говорят, 12 000 евреев были преданы жестокой смерти. Флагелланты вошли туда в августе; евреи по этому случаю вступили в перепалку с христианами и убили нескольких человек; но когда они увидели, что не в силах противостоять растущему превосходству своих врагов и что ничто не может спасти их от уничтожения, они уничтожили себя и свои семьи, поджигая свои жилища. Так и в других местах приход флагеллантов вызывал сцены резни; а поскольку жажда крови повсеместно сочеталась с необузданным духом прозелитизма, среди евреев возникло фанатичное рвение погибнуть как мученики за свою древнюю религию. Да и как они могли от чистого сердца принять христианство, когда его заповеди никогда не нарушались столь возмутительно? В Эслингене вся еврейская община сожгла себя в своей синагоге, и часто видели, как матери бросали своих детей на кучу, чтобы предотвратить их крещение, а затем сами бросались в пламя. Короче говоря, все поступки, которые фанатизм, месть, алчность и отчаяние в страшном сочетании могли побудить людей совершить, - а где в таком случае предел? - были совершены в 1349 году по всей Германии, Италии и Франции, безнаказанно и на глазах у всего мира. Казалось, что чума породила не траур и скорбь, а скандальные поступки и неистовые беспорядки; и большая часть тех, кто по своему образованию и положению был призван возвысить голос разума, сами повели дикую толпу на убийство и грабеж. Почти все евреи, спасшие свои жизни крещением, впоследствии были сожжены в разное время, так как их продолжали обвинять в отравлении воды и воздуха. Христиане, которых филантропия или корысть побудили предложить им защиту, также были поставлены на дыбу и казнены вместе с ними. Многие иудеи, принявшие христианство, раскаялись в своем отступничестве и, вернувшись к прежней вере, скрепили ее своей смертью.

Гуманность и благоразумие Климента VI в этом случае также должны быть упомянуты к его чести; но даже высшая церковная власть была недостаточна, чтобы сдержать необузданную ярость народа. Он не только защитил евреев в Авиньоне, насколько это было в его силах, но

и издал две буллы, в которых объявил их невиновными, и призвал всех христиан, хотя и безуспешно, прекратить эти беспочвенные гонения. Император Карл IV также был благосклонен к ним и старался предотвратить их гибель, где только мог; но он не осмелился обнажить меч правосудия и даже оказался вынужден уступить эгоизму богемских дворян, которые не желали отказываться от столь благоприятной возможности освободиться от своих еврейских кредиторов, получив императорский мандат. Герцог Альберт Австрийский сжег и разграбил те из своих городов, которые преследовали евреев - напрасное и бесчеловечное действие, которое, к тому же, не исключает подозрений в корыстолюбии; однако он не смог защитить в своей крепости Киберг несколько сотен евреев, которые были там приняты, от варварского сожжения жителями. Несколько других князей и графов, среди которых был Рупрехт фон дер Пфальц, взяли евреев под свое покровительство, заплатив большие суммы: из-за этого их стали называть "жидомасонами", и они подвергались опасности нападения со стороны населения и своих могущественных соседей. У этих преследуемых и подвергаемых жестокому обращению людей, за исключением тех случаев, когда гуманные люди проявляли к ним сострадание на свой страх и риск или когда им удавалось за счет богатства купить защиту, не оставалось иного убежища, кроме далекой Литвы, где Болеслав V., Болеслав V, герцог польский (1227-1279), прежде даровал им свободу совести; а король Казимир Великий (1333-1370), поддавшись мольбам Эстер, любимой еврейки, принял их и предоставил им дальнейшую защиту; благодаря чему в этой стране до сих пор живет множество евреев, которые благодаря своему уединенному образу жизни более, чем какой-либо другой народ в Европе, сохранили нравы средневековья.

Но вернемся к страшным обвинениям против евреев: по всей Европе ходили слухи, что они связаны с тайным начальством в Толедо, чьим указам они подчинялись и от кого получали повеления о чеканке поддельных денег, отравлении, убийстве христианских детей и т. д.; что они получали яд морем из отдаленных мест, а также сами готовили его из пауков, сов, и других ядовитых животных; но, чтобы их секрет не был раскрыт, он был известен только их раввинам и богатым людям. По-видимому, мало кто не считал это экстравагантное обвинение обоснованным; более того, во многих сочинениях XIV века мы находим большую ярость по отношению к подозреваемым в смешении ядов, что явно свидетельствует о существовавших против них предрассудках. К несчастью, после признаний первых жертв в Швейцарии каторга добивалась подобных признаний в разных местах. Некоторые даже признавались, что получали ядовитый порошок в мешочках и предписания из Толедо от тайных посыльных. Подобные мешочки также часто находили в колодцах, хотя нередко выяснялось, что христиане сами бросали их туда; вероятно, чтобы дать повод для убийства и грабежа; подобные случаи можно найти в преследованиях ведьм.

Эта картина не нуждается в дополнениях. Живое изображение Черной чумы и морального зла, которое последовало за ней, ярко представляется тому, кто знаком с природой и устройством общества. Почти единственные достоверные свидетельства об образе жизни и разрушениях, происходивших в частной жизни во время эпидемии, получены из Италии, и они могут позволить нам составить справедливое представление об общем состоянии семей в Европе, принимая во внимание то, что свойственно нравам каждой страны.

"Когда зло стало всеобщим" (речь идет о Флоренции), "сердца всех жителей были закрыты для чувств гуманности. Они бежали от больных и всего, что им принадлежало, надеясь таким образом спастись. Другие заперлись в своих домах с женами, детьми и домочадцами, живя на самой дорогой пище, но тщательно избегая излишеств. К ним никто не допускался, никакие известия о смерти или болезни не доходили до их ушей, и они проводили время в пении, музыке и других развлечениях. Другие же, напротив, считали лучшим лекарством

объедание и питье, всевозможные развлечения, потакание любым удовольствиям и безразличие к тому, что происходит вокруг, и действовали соответственно. Они день и ночь бродили от одной таверны к другой и пировали без меры и ограничений. Таким образом они старались избегать общения с больными и бросали свои дома и имущество на произвол судьбы, как люди, для которых уже прозвучал предсмертный звон.

"На фоне всеобщего плача и скорби влияние и авторитет всех законов, человеческих и божественных, исчезли. Большинство из тех, кто занимал свои должности, были унесены чумой, или лежали больные, или потеряли так много членов своей семьи, что не могли исполнять свои обязанности; так что отныне каждый поступал так, как считал нужным. Другие в своем образе жизни выбирали средний путь. Они ели и пили, что хотели, и ходили по улицам, нося с собой пахучие цветы, травы или специи, которые время от времени нюхали, чтобы оживить мозг и отвратить дурное влияние воздуха, зараженного больными и бесчисленными трупами тех, кто умер от чумы. Другие пошли еще дальше и решили, что самый верный способ спастись от смерти - бегство. Поэтому они покидали город; женщины, как и мужчины, оставляли свои жилища и своих родственников и уходили в деревню. Но и из них многие были унесены, причем большинство из них были одиноки и покинуты всем миром, сами подав ранее пример. Таким образом, один гражданин бежал от другого, сосед от соседа, родственник от родственника; и в конце концов ужас настолько полностью погасил все добрые чувства, что брат бросил брата, сестра сестру, жена мужа, наконец, даже родитель своих отпрысков, бросив их, никем не посещаемых и не утешаемых, на произвол судьбы. Нуждающиеся в помощи становились жертвами жадных санитаров, которые за непомерное вознаграждение лишь передавали больным еду и лекарства, оставались с ними в последние минуты их жизни, а затем нередко сами становились жертвами своей алчности и не успевали насладиться вымоленным барышом. Благопристойность и приличия исчезли среди беспомощных больных. Женщины высокого ранга, казалось, забыли о своей природной стыдливости и поручали заботу о своих персонах без разбора мужчинам и женщинам самого низкого ранга. В доме скорби больше не было женщин, родственниц или подруг, чтобы разделить горе оставшихся в живых: труп не сопровождали до могилы ни соседи, ни многочисленная вереница священников с восковыми лампадами и пением псалмов, его не несли и другие граждане такого же ранга. Многие уходили из жизни, не имея друга, который успокоил бы их предсмертную подушку; и лишь немногие уходили из жизни под причитания и слезы друзей и родственников. Вместо скорби и траура царили безразличие, легкомыслие и веселье, которые, особенно среди женщин, считались способствующими здоровью. Редко за телом следовали даже десять или двенадцать сопровождающих; вместо обычных носильщиков и пономарей за это брались наемники из самых низких слоев населения, и в сопровождении всего нескольких священников, а часто и без единого костра, его несли в самую ближайшую церковь и опускали в могилу, которая не была еще слишком заполнена, чтобы принять его. Среди среднего класса, и особенно среди бедняков, страдания были еще более серьезными. Бедность или небрежность побуждали большинство из них оставаться в своих домах или в непосредственной близости от них, и таким образом они падали тысячами, а многие заканчивали свою жизнь на улицах днем и ночью. Вонь от гниющих трупов часто была первым признаком того, что соседи узнали о новых смертях. Оставшиеся в живых, чтобы уберечь себя от заражения, обычно выносили тела из домов и складывали перед дверями, где ранним утром их находили в кучах, выставленных на обозрение проходящих мимо чужаков. Уже невозможно было иметь отдельный одр для каждого трупа - обычно клали три или четыре вместе; мужа и жену, отца и мать с двумя или тремя детьми часто несли в могилу на одном одре; часто случалось, что два священника сопровождали гроб, неся перед ним

крест, а по дороге к ним присоединялось еще несколько похорон, так что вместо одного трупа для погребения требовалось пять или шесть".

Таков Боккаччо. О поведении священников другой современник замечает: "В больших и малых городах они удалились из страха, оставив исполнение церковных обязанностей тем немногим, кто оказался достаточно мужественным и верным, чтобы взять их на себя". Но мы не должны возлагать на них больше вины, чем на других; ведь мы находим доказательства той же робости и бессердечия в каждом классе. Во время распространения Черной чумы благотворительные ордена вели себя превосходно и сделали столько добра, сколько может быть сделано отдельными людьми во времена великих бед и разрушений, когда сострадание, мужество и благородные чувства встречаются лишь у немногих, а трусость, эгоизм и злая воля с их низменными страстями утверждают свое господство. На месте добродетели, изгнанной с земли, повсюду возвышалась порочность, и последующие поколения оказывались под властью ее ужасной тирании.

ГЛАВА VI-ВРАЧИ

Если мы теперь обратимся к медицинским талантам, столкнувшимся с "Великой смертностью", то Средневековье должно быть оправдано, поскольку даже современники считают, что медицинское искусство не в состоянии справиться с восточной чумой и может избавить от нее только при особо благоприятных обстоятельствах. Мы также должны помнить, что человеческая наука и искусство оказываются особенно слабыми во время больших эпидемий, потому что им приходится бороться с силами природы, о которых они не имеют никакого представления; и которые, если бы они были или могли быть постигнуты в их коллективных эффектах, оставались бы неподконтрольными им, главным образом из-за неупорядоченного состояния человеческого общества. Кроме того, каждая новая чума имеет свои особенности, которые тем легче обнаружить с первого взгляда, что во время ее опустошения страх и ужас смиряют гордый дух.

Врачи XIV века во время Черной смерти сделали все, на что был способен человеческий разум в условиях реального состояния искусства врачевания; и их знания о болезни отнюдь не были презренными. Они, как и все остальное человечество, потакали предрассудкам и отстаивали их, возможно, с излишним упорством: некоторые из них, однако, были основаны на образе мышления эпохи, и в те времена их принимали за непреложные истины; другие продолжают существовать и по сей день.

Поэтому их преемникам в XIX веке не стоит слишком превозносить превосходство своих знаний, ведь и они подвергнутся суровому суду потомков - их тоже с полным основанием будут обвинять в человеческой слабости и недостаточной прозорливости.

Медицинскому факультету Парижа, самому знаменитому в XIV веке, было поручено высказать свое мнение о причинах Черной чумы и дать соответствующие предписания относительно жизни во время ее распространения. Этот документ достаточно примечателен, чтобы поместить его здесь.

"Мы, члены Коллегии врачей Парижа, после зрелых размышлений и консультаций по поводу нынешней смертности собрали советы наших старых мастеров в этом искусстве и намерены разъяснить причины этой язвы более четко, чем это можно было бы сделать в соответствии с правилами и принципами астрологии и естественных наук; поэтому мы заявляем следующее:-

"Известно, что в Индии и в окрестностях Великого моря созвездия, противостоящие лучам солнца и теплу небесного огня, особенно сильно воздействовали на это море и яростно боролись с его водами. (Поэтому часто возникают пары, которые окутывают солнце и превращают его свет во тьму). Эти пары попеременно поднимались и опускались в течение двадцати восьми дней; но, наконец, солнце и огонь так сильно подействовали на море, что привлекли большую его часть к себе, и воды океана поднялись в виде пара; при этом воды в некоторых местах были настолько испорчены, что рыба, которая в них содержалась, погибла. Однако эти испорченные воды не могли быть уничтожены солнечным жаром, как не могли возникнуть из них и другие полезные воды - град, снег и роса. Напротив, этот пар распространялся по воздуху во многих местах земли и окутывал их туманом.

"Так было по всей Аравии, в части Индии, на Крите, на равнинах и в долинах Македонии, в Венгрии, Албании и Сицилии. Если то же самое произойдет на Сардинии, то в живых не останется ни одного человека, и подобное будет продолжаться до тех пор, пока солнце будет находиться в знаке Льва, на всех островах и в прилегающих странах, на которые распространяется или уже распространился из Индии этот порочный морской ветер. Если жители тех мест не будут использовать и придерживаться следующих или подобных средств и предписаний, мы объявляем им неизбежную смерть, если только благодать Христа не сохранит их жизнь.

"Мы считаем, что созвездия с помощью природы стремятся в силу своего Божественного могущества защитить и исцелить человеческий род; и с этой целью, в союзе с лучами солнца, действующими через силу огня, пытаются прорвать туман. Соответственно, в течение следующих десяти дней и до 17 числа следующего месяца июля этот туман будет превращен в зловонный пагубный дождь, благодаря чему воздух значительно очистится. Теперь, как только этот дождь заявит о себе громом или градом, каждый из вас должен защититься от воздуха; и, как до, так и после дождя, разжечь большой костер из виноградного дерева, зеленого лавра или другого зеленого дерева; полынь и ромашку также следует сжигать в большом количестве на рынках, в других густонаселенных местах, а также в домах. Пока земля снова полностью не высохнет, и в течение трех дней после этого, никто не должен выходить в поле. В течение этого времени диета должна быть простой, а люди должны быть осторожны и избегать облучения в прохладное вечернее время, ночью и утром. Не следует есть птицу и водоплавающую птицу, молодую свинину, старую говядину и вообще жирное мясо, а, напротив, мясо соответствующего возраста, теплое и сухое, но ни в коем случае не согревающее и возбуждающее. Следует пить бульон, приправленный молотым перцем, имбирем и гвоздикой, особенно тем, кто привык жить умеренно и пока еще выбирает диету. Сон в дневное время вреден; его следует принимать ночью до восхода солнца или несколько дольше. За завтраком нужно пить мало; ужинать следует за час до захода солнца, когда можно выпить больше, чем утром. В качестве напитка следует употреблять чистое светлое вино, смешанное с пятой или шестой частью воды. Сушеные или свежие фрукты с вином не вредны, но очень вредны без него. Свекла и другие овощи, как маринованные, так и свежие, вредны; напротив, пряные травы, такие как шалфей или розмарин, полезны. Холодная, влажная, водянистая пища в целом вредна. Выходить на улицу ночью и даже до трех часов утра опасно из-за росы. Употребляйте только мелкую речную рыбу. Слишком большие физические нагрузки вредны. Тело должно быть теплее, чем обычно, и таким образом оно защищено от влаги и холода. Нельзя использовать дождевую воду для приготовления пищи, и каждый должен беречься от воздействия сырой погоды. Если идет дождь, после ужина следует принять немного мелкой патоки. Тучные люди не должны сидеть на солнце. Следует выбирать хорошее чистое вино и пить его часто, но в небольших количествах, в течение дня. Оливковое масло как продукт питания

смертельно опасно. Не менее вредны пост и чрезмерное воздержание, душевное беспокойство, гнев и неумеренное питье. Молодые люди, особенно осенью, должны воздерживаться от всего этого, если они не хотят умереть от дизентерии. Чтобы поддерживать организм в нормальном состоянии, при необходимости следует делать клизму или использовать другие простые средства. Купание вредно. Мужчины должны хранить целомудрие так же, как они ценят свою жизнь. Каждый должен помнить об этом, но особенно те, кто живет на побережье или на острове, куда проникает злой ветер".

По какому случаю были даны эти странные наставления, теперь уже невозможно установить, даже если бы это было целью. Однако следует признать, что они не делают чести ни Парижскому факультету, ни XIV веку в целом. Этот знаменитый факультет оказался перед мучительной необходимостью быть мудрым по приказу и в упор стрелять эрудицией во врага, окутанного темным туманом, о природе которого они не имели ни малейшего представления. Скрывая свое невежество авторитетными утверждениями, они тем самым вводили себя в заблуждение; и, пытаясь предстать перед миром с *шиком*, выдавали умным свою прискорбную слабость. Кто-то может предположить, что в том состоянии, в котором находились науки XIV века, не существовало ни одного умного врача; но это полностью противоречит законам развития человечества и опровергается историей. Настоящие знания эпохи проявляются только в архивах ее литературы. Только здесь гений истины говорит во всеуслышание, только здесь талантливые люди излагают результаты своего опыта и размышлений без тщеславия и корысти. Нет никаких оснований полагать, что в XIV веке люди такого рода публично подвергались сомнению в своих взглядах; и поэтому тем более необходимо, чтобы беспристрастная история взяла на себя их дело и воздала должное их заслугам.

Первое упоминание на эту тему относится к очень известному учителю в Перудже, Джентилису из Фолиньо, который 18 июня 1348 года пал жертвой чумы, добросовестно исполняя свой долг. Приверженец арабских доктрин и всеми уважаемого Галена, он, как и все его современники, верил в гнилостное разложение крови в легких и сердце, которое вызывается язвенной атмосферой и сразу же передается всему телу. Поэтому он считал, что все зависит от достаточного очищения воздуха с помощью больших костров из пахучего дерева, как вблизи здоровых, так и больных, а также от соответствующего образа жизни, чтобы гниль не одолевала больных. В соответствии с представлениями, полученными от древних, он полагался на кровопускание и очищение в начале приступа с целью очищения; предписывал здоровым часто мыться уксусом или вином, окроплять уксусом свои жилища и часто нюхать камфору или другие летучие вещества. Далее он, по арабскому образцу, давал подробные правила с обилием различных лекарств, в целебную силу которых верили. Он не придавал особого значения сверхлунным влияниям, насколько это касалось самой болезни; поэтому он не вступал в большие споры с астрологами, но всегда держал в поле зрения, как объект медицинского внимания, разложение крови в легких и сердце. Он верил в прогрессирующее заражение от страны к стране, в соответствии с представлениями сегодняшнего дня; а заразная сила болезни даже вблизи тех, кто пострадал от чумы, была, по его мнению, вне всяких сомнений. В этом вопросе умные современники были единодушны, и, по правде говоря, не требовалось большого гения, чтобы убедиться в столь очевидном факте. Кроме того, правильные представления о заразе пришли из далекой древности и сохранились в неизменном виде в четырнадцатом веке. Еще в эпоху Платона знание о заразной силе злокачественных воспалений глаза, в которой также не сомневался ни один врач Средневековья, было всеобщим среди людей; однако в наше время хирурги заполнили тома пристрастными спорами на эту тему. Весь язык античности приспособился к

представлениям людей о заражении моровой язвой, и их термины были, вне всякого сравнения, более выразительными, чем те, что используются современниками.

Меры по защите здоровых людей от заразных болезней, необходимость которых следует из этих представлений, древние считали полезными, и люди, чьи обстоятельства позволяли это, приводили их в действие в своих домах. Даже полное отделение больных от здоровых, это необходимое средство защиты от заражения при контакте, было предложено врачами второго века после Рождества Христова, чтобы остановить распространение проказы. Но против этого решительно возражали, поскольку, как утверждалось, врачебное искусство не должно быть виновно в такой жестокости. Эта мягкость древних, в образе мышления которых бесчеловечность так часто и так неприкрыто бросалась в глаза, могла бы вызвать удивление, если бы была чем-то более чем очевидным. Истинная причина пренебрежения общественной защитой от моровой язвы лежала в общих представлениях и конституции человеческого общества - она заключалась в пренебрежении человеческой жизнью, доказательства которого великие народы древности приводили на каждой странице своей истории. Не следует думать, что им нужны были знания о распространении заразных болезней. Напротив, они были так же хорошо осведомлены в этом вопросе, как и современные люди; но это проявлялось там, где нужно было защищать индивидуальную собственность, а не человеческую жизнь в огромных масштабах. Поэтому древние придерживались общей практики сдерживания распространения рожи среди скота путем отделения заболевших от здоровых. Только их стада пользовались той защитой, которую они считали нецелесообразным распространять на человеческое общество, потому что у них не было желания делать это. То, что в XIV веке правительства еще не были настолько развиты, чтобы ввести в действие общие правила борьбы с чумой, не требует особых доказательств. Поэтому врачи могли только советовать публичные очищения воздуха с помощью больших костров, как это часто практиковалось в древние времена; и они были вынуждены оставлять отдельным семьям либо искать безопасности в бегстве, либо закрываться в своих жилищах - метод, который помогает при обычной чуме, но который здесь не обеспечивал полной безопасности, поскольку болезнь была настолько яростной, когда она достигала своего пика, что атмосфера целых городов была пронизана инфекцией.

В астральном влиянии, которое считалось причиной "Великой смертности", врачи и ученые люди были убеждены так же полностью, как и в его реальности. Главной причиной было принято считать великое соединение трех высших планет, Сатурна, Юпитера и Марса, в знаке Водолея, которое произошло, по словам Ги де Шольяка, 24 марта 1345 года. При определении дня этот врач, глубоко сведущий в астрологии, не согласился с другими, после чего возникли различные споры, имевшие вес в ту эпоху, но не имеющие никакого значения в нашу. Люди, однако, сходятся в том, что соединения планет безошибочно предсказывают великие события: великие революции королевств, новых пророков, разрушительные чумы и другие события, которые приносят беды и ужас человечеству. Ни один медицинский автор XIV и XV веков не упускает случая представить их в числе общих предсказаний великих бедствий; мы же, со своей стороны, не можем рассматривать астрологию Средневековья как простое порождение суеверия. Она не только имеет, как и все идеи, вдохновляющие и направляющие человечество, большое историческое значение, совершенно не зависящее от ее ошибочности или истинности - ведь влияние и того, и другого одинаково сильно, - но в ней, как и в алхимии, содержатся великие мысли древности, которых современная натурфилософия так мало стыдится, что претендует на них как на свою собственность. В первую очередь это идея всеобщей жизни, которая распространяется по всей Вселенной, выраженная величайшими греческими мудрецами и переданная в Средние века через новую натурфилософию Платона. Этому представлению о вселенском организме не могло

быть чуждо предположение о взаимном влиянии земных тел, и оно не переставало соответствовать более высокому взгляду на природу, пока астрологи не переступили границы человеческого знания с легкомысленными и мистическими расчетами.

Ги де Шольяк считает влияние соединения, которое считалось всемогущим, главной общей причиной Черной чумы; а болезненное состояние тел, разложение жидкостей, слабость, непроходимость и так далее - особыми подчиненными причинами. По его мнению, качество воздуха и других элементов было настолько изменено, что они приводили ядовитые жидкости в движение по направлению к внутренним частям тела, подобно тому, как магнит притягивает железо; отсюда вначале возникали лихорадка и отхаркивание крови, а затем, однако, отложение в виде набухания желез и воспалительных нарывов. Здесь понятие эпидемической конституции было изложено четко и в соответствии с духом эпохи. В заразности болезни Ги де Шольяк был полностью убежден. Он пытался защититься от нее обычными средствами, и, вероятно, именно он посоветовал папе Клименту VI затвориться на время чумы. Сохранение жизни этого папы, однако, принесло большую пользу городу Авиньону, поскольку он осыпал бедняков благоразумными актами доброты, позаботился о том, чтобы обеспечить им надлежащий уход, и сам платил врачам, чтобы они оказывали помощь везде, где только можно, - преимущество, которым, пожалуй, не пользовался ни один другой город. Лечение больных чумой в Авиньоне также не вызывало никаких нареканий; после обычного истощения кровопусканием и аперитивами, когда того требовали обстоятельства, они старались довести бубоны до нагноения; они делали надрезы на воспалительных нарывах или прижигали их раскаленным железом - практика, которая во все времена оказывалась полезной, а во время Черной чумы спасла множество жизней. В этом городе больше всего доставалось евреям, которые жили в состоянии величайшей грязи, а также испанцам, которых Чалин обвиняет в большой распушенности.

Еще более четкие представления о причинах чумы изложил своим современникам в XIV веке Галеаццо ди Санта-София, ученый человек, уроженец Падуи, который также лечил больных чумой в Вене, хотя в каком году - не установлено. Он тщательно отличает *мор* от *эпидемии* и *эндемии*. Общее представление о двух первых в точности совпадает с представлением об эпидемической конституции, ибо обе они, по его словам, заключаются в неизвестном изменении или порче воздуха; с той разницей, что мор вызывает болезни разного рода; эпидемия же, напротив, всегда одну и ту же болезнь. В качестве примера эпидемии он приводит кашель (грипп), который наблюдался во всех климатах в одно и то же время без видимых причин; приближение же моровой язвы, независимо от необычных природных явлений, он распознавал по более частому появлению различных видов лихорадки, которым современные врачи придали бы нервный и гнилостный характер. По его мнению, враг зарождается только в местных теллурических изменениях - пагубных влияниях, которые развиваются в земле и воде, без разложения воздуха. В его время эти понятия были разрознены, как и все, что человеческое понимание разделяет по слишком тонким границам. Однако оценка космических влияний в эпидемии и моровой язве вполне заслуживает похвалы; в этом отношении Санта-София не только согласен с самыми умными людьми XIV и XV веков, но и обнародовал мнение, которое и сейчас должно служить основой для наших едва начавшихся исследований космических влияний. Мор и эпидемия заключаются не в изменении четырех первичных качеств, а в порче воздуха, мощной, хотя и совершенно нематериальной, и не познаваемой органами чувств - (*corruptio aëris non substantialis, sed qualitativa*) в диспропорции невесомых веществ в атмосфере, как выразились бы современные люди. Причинами моровой язвы и эпидемий являются, прежде всего, астральные влияния, особенно во время планетарных соединений; затем обширное гниение животных и растительных тел и земное разложение (*corruptio in terra*): этому также

могут способствовать плохое питание и недостаток пищи. Санта София считает гниение саранчи, погибшей в море и вновь выброшенной на поверхность, в сочетании с астральными и земными влияниями, причиной моровой язвы в богатый событиями год "Великой смертности".

Все лихорадки, вызванные мором, по его мнению, относятся к гнилоственному типу, так как они возникают в основном из-за гнилоственности крови сердца, которая неизбежно следует за вдыханием зараженного воздуха. Восточная чума иногда, но далеко не всегда вызывается мором (?), который придает ей характер (*qualitas occulta*), враждебный человеческой природе. Она часто возникает по другим причинам, среди которых, как известно, этот врач считал заразные; и следует отметить, что он считал эпидемическую оспу и корь безошибочными предшественниками чумы, как это делают врачи и жители Востока в настоящее время.

В изложении своих терапевтических взглядов на чуму Санта-София вновь демонстрирует ясность ума, которая отражается на эпохе. По его мнению, лечение чумы зависит, во-первых, от удаления гнилостных масс с помощью чистящих средств и кровопускания; однако он не одобрял использование этих средств без разбора и без внимания, особенно в тех случаях, когда состояние крови было здоровым. Он также решительно выступал против кровопускания *ad deliquium* (*venæ sectio eradicatoria*). 2-е, Укрепление сердца и предотвращение гниения. 3-е, Соответствующий режим. 4-е, Улучшение воздуха. 5-е, Соответствующее лечение опухолевых желез и воспалительных фурункулов с помощью смягчающих и даже стимулирующих припарок (горчица, луковицы лилий), а также раскаленного золота и железа. И наконец, шестое: внимание к ярким симптомам. Запасы арабской аптеки, которые он привел в действие для удовлетворения всех этих показаний, были действительно очень значительными; следует, однако, заметить, что в основном были собраны щадящие средства, которые, в случае злоупотребления, не принесут вреда: ведь характер арабской системы медицины, принципам которой повсеместно следовали в это время, заключался в мягкости и осторожности. По этой причине мы также не можем поверить, что весьма пространный трактат Марсильи ди Санта София, современника Галеаццо, о профилактике и лечении чумы мог причинить большой вред, хотя, возможно, даже в XIV веке приятная широта и уверенные утверждения относительно вещей, которые никто из смертных не исследовал, или которые совершенно безразлично различать, считались доказательством ценного практического таланта.

Согласие современных и более поздних авторов показывает, что опубликованные взгляды самых знаменитых врачей XIV века были общепринятыми. Среди них наиболее известен Чалин де Винарио. Хотя он предан астрологии еще больше, чем его выдающийся современник, он признает огромную силу земных влияний и очень здраво высказывается о неоспоримой доктрине заражения, пытаясь тем самым извинить многих хирургов и врачей своего времени, которые пренебрегали своим долгом. Он смело и правдиво утверждал, "что все эпидемические болезни могут стать заразными, а все лихорадки - эпидемическими", что подтвердили внимательные наблюдатели всех последующих эпох.

Он излагал свои взгляды на кровопускание со здравым смыслом, как опытный врач; однако, как можно предположить, он не смог умерить стремление к кровопусканию, проявляемое невежественными монахами. Он не хотел брать кровь из вен у пациентов младше четырнадцати лет, но противодействовал воспалительному возбуждению у них с помощью примочек и старался умерить воспаление опухолевых желез пиявками. Большинство из тех, кому пускали кровь, умирали; поэтому он зарезервировал это средство для плеториков; особенно для папских придворных и лицемерных священников, которые, как он видел,

удовлетворяли свои чувственные желания и подражали Эпикуру, в то время как они напыщенно притворялись, что следуют за Христом. Он рекомендовал прижигать фурункулы раскаленным железом только при чуме без лихорадки, что случалось в единичных случаях; и всегда был готов поправить тех чрезмерно вспыльчивых хирургов, которые огнем и жестокими средствами наносили непоправимый вред своим пациентам. Михаил Савонарола, профессор в Ферраре (1462), рассуждая о восприимчивости человеческого организма к влиянию чумной инфекции, как о причине столь различных модификаций болезни, высказывается по этому поводу так, как высказался бы современный врач; а принятие принципа заразности легло в основу его определения чумы. Не менее достойны внимания взгляды знаменитого Валеска из Таранты, который во время последнего визита Черной смерти в 1382 году практиковал как врач в Монпелье и передал потомкам то, что повторяется в бесчисленных трактатах о чуме, написанных в XV и XVI веках.

Из всех этих представлений и взглядов на чуму, развитие которых мы представили, особенно выделяются два, которые имеют важное историческое значение: - Первое: мнение ученых врачей, что мор, или эпидемическая конституция, является родителем различных видов болезней; что чума иногда, правда, но далеко не всегда, происходит от нее: что, говоря языком современников, мор имеет такое же отношение к заразе, как предрасполагающая причина к случайной причине; и, во-вторых, всеобщее убеждение в заразной силе этой болезни.

Заразительность постепенно привлекала все больше внимания: считалось, что с ее помощью можно избежать самой мощной случайной причины; возможность защиты целых городов путем разделения становилась постепенно все более очевидной; и настолько ужасающими были воспоминания о насыщенном событиями годе "Великой смертности", что еще до конца XIV века, пока не прекратились дурные последствия Черной чумы, народы старались защитить себя от возвращения этого врага тщательной и эффективной защитой.

Первое постановление, которое было издано с этой целью, принадлежит виконту Бернабо и датируется 17 января 1374 года. "Каждый больной чумой должен был быть вывезен из города в поле, где он должен был умереть или выздороветь. Те, кто присутствовал при чумном больном, должны были оставаться отдельно в течение десяти дней, прежде чем снова вступать с кем-либо в связь. Священники должны были осматривать больных и указывать специальным комиссарам на зараженных под страхом конфискации имущества и сожжения заживо. Кто бы ни ввозил чуму, государство обрекало его имущество на конфискацию. Наконец, никто, кроме назначенных для этой цели лиц, не должен был посещать больных чумой под страхом смерти и конфискации".

Эти распоряжения, соответствующие духу XIV века, достаточно решительны, чтобы указать на воспоминания о благотворном влиянии заключения и удержания на расстоянии тех, кто подозревается в заболевании чумой. Говорят, что сам Милан, строго заперев три дома, в которых вспыхнула чума, оставался свободным от "великой смертности" в течение значительного времени; и примеры сохранения отдельных семей путем строгого разделения, безусловно, очень часты. Можно легко предположить, что эти распоряжения должны были вызвать всеобщее недовольство своей необычной суровостью, как мы знаем, особенно в городе Реджио; но Бернабо не отступал от своей цели из-за страха - напротив, когда чума вернулась в 1383 году, он запретил под страхом смерти допускать людей из зараженных мест на свою территорию. Правда, мы не знаем, насколько ему это удалось, но можно предположить, что он задержал болезнь, поскольку она уже давно утратила свойство Черной смерти - распространять по воздуху заразную материю, исходящую из легких и наполненную гнилью, и омрачать атмосферу целых городов огромным количеством больных. Теперь, когда

болезнь вернулась к своей более мягкой форме, так что заражение происходило только при контакте, она позволяла удерживаться в пределах отдельных жилищ так же легко, как и в наши дни.

Примеру Бернабо подражали; и не было века более подходящего для рекомендации правительствам жестких правил против чумы, чем четырнадцатый; ведь когда она вспыхнула в Италии в 1399 году и по-прежнему требовала новых жертв, это был уже шестнадцатый раз, не считая частых визитов кори и оспы. В том же году виконт Джон, в более мягких выражениях, чем его предшественник, приказал не пускать посторонних в зараженные места и строго охранять городские ворота. Зараженные дома должны были проветриваться не менее восьми-десяти дней и очищаться от вредных испарений с помощью костров и фумигаций бальзамическими и ароматическими веществами. Солому, тряпки и прочее сжигали, а использованные кровати выставляли на четыре дня под дождь или солнце, чтобы с помощью того или другого уничтожить болезнетворные испарения. Никто не должен был осмеливаться использовать одежду или постель в зараженных жилищах, если они не были предварительно выстираны и высушены на огне или на солнце. Люди также должны были избегать, насколько это возможно, занимать дома, в которых часто бывали больные чумой.

Мы не можем с точностью увидеть в них продвижение к общим правилам; возможно, люди убедились в непреодолимых препятствиях, которые мешали разделению открытых внутренних стран, где тела людей, связанных вместе, нельзя было заставить, даже с помощью самой упрямой суровости, отказаться от привычки к выгодным сношениям.

Несомненно, именно природа сделала больше всего для того, чтобы изгнать восточную чуму из Западной Европы, где растущая обработка земли и развивающийся порядок в цивилизованном обществе не позволили ей остаться одомашненной, какой она, скорее всего, была в более древние времена.

В пятнадцатом веке, в течение которого она семнадцать раз вспыхивала в разных местах Европы, тем важнее было поставить барьер на пути ее проникновения из Азии, Африки и Греции (ставшей турецкой), так как в дальнейшем ей было бы трудно сохранять свою самобытность. Однако среди южных торговых государств, которые были призваны приложить наибольшие усилия для достижения этой цели, главным образом Венеция, ранее так сильно пострадавшая от Черной чумы, которая наложила необходимое ограничение на рискованные прибыли купца. Вплоть до конца XV века весьма значительные торговые связи с Востоком были свободными и беспрепятственными. Корабли торговых городов часто привозили чуму: более того, в прежние времена "великая смертность" сама возникала по вине мореплавателей. Так как в конце осени 1347 года четыре корабля с больными чумой вернулись из Леванта в Геную, болезнь распространилась там с поразительной быстротой. В связи с этим в следующем году генуэзцы запретили входить в свой порт подозрительным кораблям. Они отплывали в Пизу и другие города на побережье, где природа уже сделала такие мощные приготовления к приему Черной чумы, и в результате произошло то, что мы уже описали.

В 1485 году, когда среди городов северной Италии Милан особенно остро ощущал на себе бедствие чумы, в Венеции был создан специальный Совет здоровья, состоявший из трех дворян, которые, вероятно, старались сделать все возможное, чтобы предотвратить проникновение этой болезни, и постепенно привели в действие все те правила, которые в последующие времена служили образцом для других южных государств Европы. Однако их усилия не увенчались полным успехом, поэтому в 1504 году их полномочия были расширены за счет предоставления им права жизни и смерти над теми, кто нарушал предписания.

Вероятно, впервые медицинские законопроекты были введены в 1527 году, во время смертельной чумы, которая посещала Италию в течение пяти лет (1525-30) и требовала удвоенной осторожности.

Первые лазареты были основаны на островах, расположенных на некотором расстоянии от города, по-видимому, еще в 1485 году. Здесь задерживали всех чужестранцев, прибывших из мест, где подозревали наличие чумы. Если она появлялась в самом городе, больных вместе с семьями отправляли в так называемое Старое Лазаретто, снабжали провизией и лекарствами, а когда они выздоравливали, их вместе со всеми, кто имел с ними сношения, еще на сорок дней задерживали в Новом Лазаретто, расположенном на другом острове. Все эти правила с каждым годом совершенствовались, а их необходимая строгость усиливалась, так что начиная с 1585 года приговор Совета здоровья не мог быть обжалован; другие торговые страны постепенно поддерживали венецианцев, приняв соответствующие правила. Тем не менее, до 1665 года медицинские векселя не были всеобщими.

Назначение сорокадневного заключения, откуда и пошло название карантин, не было продиктовано капризом, а, вероятно, имело медицинское происхождение, отчасти вытекающее из учения о критических днях; ведь сороковой день, согласно древнейшим представлениям, всегда считался последним для острых болезней и пределом разделения между ними и хроническими. Было принято подвергать женщин, лежащих в постели в течение сорока дней, более тщательному наблюдению. В медицинских трудах также много говорилось о сорокадневных эпохах в формировании плода, не говоря уже о том, что алхимики ожидали более прочных революций через сорок дней, этот период они называли философским месяцем.

Этот период, как принято считать, преобладает в естественных процессах, поэтому было разумно предположить и юридически закрепить его как необходимый для развития скрытых принципов заражения, поскольку государственные правила не могут обойтись без решений такого рода, даже если они не должны быть полностью оправданы природой случая. Большое внимание уделяется также теологическим и юридическим основаниям, которые в XV веке имели, конечно, больший вес, чем в наше время.

Однако мы не можем решать этот вопрос, поскольку наша единственная цель - указать на происхождение политического средства защиты от болезни, которая была самым большим препятствием для цивилизации на памяти человека; средства, которое, подобно вакцине Дженнера, после того как оспа опустошала Европу в течение двенадцатисот лет, уменьшило сдерживание, которое смертность накладывает на прогресс цивилизации, и таким образом придало жизни и нравам народов этой части мира новое направление, результат которого мы не можем предсказать.

ТАНЦЕВАЛЬНАЯ МАНИЯ

ГЛАВА I - ТАНЦЕВАЛЬНАЯ МАНИЯ В ГЕРМАНИИ И НИДЕРЛАНДАХ

СЕКЦИЯ 1 - СТ. ТАНЦЫ ДЖОНА

Еще не утихли последствия Черной смерти, еще не были закрыты могилы миллионов ее жертв, как в Германии возникло странное заблуждение, которое овладело умами людей и, вопреки божественности нашей природы, увлекло тело и душу в магический круг адского суеверия. Это была конвульсия, которая самым необыкновенным образом разъярила человеческий организм и вызывала изумление современников на протяжении более двух столетий, с тех пор она больше никогда не появлялась. Его называли танцем святого Иоанна

или святого Вита из-за вакхических прыжков, которыми он характеризовался, и которые придавали пострадавшим, исполнявшим свой дикий танец, кричавшим и пенившимся от ярости, вид одержимых людей. Она не ограничивалась отдельными населенными пунктами, а распространялась по всей Германии и соседним странам на северо-западе, которые уже были подготовлены к ее приему господствующими в то время мнениями, как демоническая эпидемия.

Уже в 1374 году в Экс-ла-Шапель были замечены сборища мужчин и женщин, прибывших из Германии, которые, объединенные одним общим заблуждением, демонстрировали публике на улицах и в церквях следующее странное зрелище. Они образовывали круги рука об руку и, казалось, полностью потеряв контроль над своими чувствами, продолжали танцевать, не обращая внимания на посторонних, в течение нескольких часов в диком бреду, пока, наконец, не падали на землю в состоянии изнеможения. Затем они жаловались на сильное угнетение и стонали, словно в предсмертных муках, пока их не обматывали тряпками, туго завязанными вокруг талии, после чего они снова приходили в себя и не жаловались до следующего приступа. К такому способу обмахивания прибегали из-за тимпани, сопровождавшей эти спазматические бредни, но посторонние люди часто облегчали состояние пациентов менее искусственным способом, стуча и топча по больным местам. Во время танца они ничего не видели и не слышали, будучи невосприимчивыми к внешним впечатлениям через органы чувств, но их преследовали видения, их фантазии вызывали духов, имена которых они выкрикивали; и некоторые из них впоследствии утверждали, что чувствовали себя так, будто были погружены в поток крови, который и заставил их так высоко подпрыгнуть. Другие во время пароксизма видели открытые небеса и Спасителя, восседающего на троне вместе с Девой Марией, в соответствии с религиозными представлениями того времени, которые странным и разнообразным образом отражались в их воображении.

Там, где болезнь была полностью развита, приступ начинался с эпилептических конвульсий. Пострадавшие падали на землю без чувств, задышавшись и пытаясь дыхание. У них шла пена изо рта, и, внезапно вскочив на ноги, они начинали свой танец, выделявая при этом странные движения. Однако болезнь, несомненно, проявлялась очень по-разному и зависела от временных или местных обстоятельств, в которых современники-медики лишь несовершенно отмечали существенные особенности, привыкшие путать наблюдения за природными явлениями с представлениями о мире духов.

Прошло всего несколько месяцев, прежде чем эта демоническая болезнь распространилась из Экс-ла-Шапель, где она появилась в июле, по соседним Нидерландам. В Льеже, Утрехте, Тонгресе и многих других городах Бельгии танцовщицы появлялись с гирляндами в волосах и подпоясанные тряпками, чтобы, как только пароксизм закончится, они могли получить немедленное облегчение при приступе тимпани. Эту повязку, вставив в нее палку, легко было туго закрутить: многие, однако, получали большее облегчение от пинков и ударов, для нанесения которых находилось множество людей: ведь где бы ни появлялись танцоры, народ собирался толпами, чтобы удовлетворить свое любопытство страшным зрелищем. В конце концов растущее число пострадавших вызвало не меньшую тревогу, чем внимание, которое им уделялось. В городах и деревнях они завладевали религиозными домами, повсюду устраивались процессии, по ним служили мессы и пели гимны, а сама болезнь, демоническое происхождение которой ни у кого не вызывало ни малейших сомнений, вызвала повсюду удивление и ужас. В Льеже священники прибегали к экзорцизму и старались всеми доступными им средствами унять зло, которое грозило им самим столь большой опасностью; одержимые, собираясь толпами, часто произносили проклятия в их

адрес и угрожали им гибелью. Они до такой степени запугали людей, что был издан указ, запрещающий носить обувь с квадратным носком, поскольку эти фанатики испытывали болезненную неприязнь к остроносым туфлям, вошедшим в моду сразу после "Великой смерти" в 1350 году. Еще большее раздражение они испытывали при виде красных цветов, влияние которых на расстроенные нервы могло бы навести нас на мысль о чрезвычайном соответствии между этим спазматическим недугом и состоянием разъяренных животных; но у танцоров Святого Иоанна это возбуждение, вероятно, было связано с явлениями, вызванными их конвульсиями. Были среди них и такие, кто не мог вынести вида плачущих людей. Духовенство, похоже, с каждым днем все больше и больше укреплялось в своем убеждении, что те, кто страдал от этого, были своего рода сектантами, и поэтому они спешили с экзорцизмом, насколько это было возможно, чтобы зло не распространилось среди высших классов, Ибо до сих пор почти никто, кроме бедняков, не подвергался нападению, а те немногие уважаемые люди среди мирян и духовенства, которых можно было встретить среди них, были людьми, чья природная легкомысленность не могла противостоять возбуждению новизны, даже если оно исходило от бесовского влияния. Некоторые из пострадавших под влиянием священнических форм экзорцизма сами заявляли, что если бы демонам дали еще несколько недель, они бы вошли в тела дворян и князей, а через них уничтожили бы духовенство. Подобные утверждения, которые одержимые произносили, находясь в состоянии, которое можно сравнить с магнетическим сном, получили всеобщее признание и переходили из уст в уста с удивительными дополнениями. Священство в связи с этим проявляло тем большее рвение в своих попытках предвосхитить любое опасное возбуждение людей, как будто существующий порядок вещей мог серьезно угрожать из-за таких бессвязных бредней. Их усилия оказались эффективными, поскольку в XIV веке экзорцизм был мощным средством; или, возможно, это дикое увлечение прекратилось вследствие истощения, которое естественно вытекало из него; во всяком случае, в течение десяти или одиннадцати месяцев танцоров Святого Иоанна больше нельзя было найти ни в одном из городов Бельгии. Однако зло было слишком глубоко укоренено, чтобы поддаться таким слабым атакам.

Через несколько месяцев после того, как эта танцевальная болезнь заявила о себе в Экс-ла-Шапель, она вспыхнула в Кельне, где число одержимых достигло более пятисот человек, и примерно в то же время в Меце, улицы которого, как говорят, были заполнены одиннадцатью сотнями танцоров. Крестьяне оставили свои плуги, механики - мастерские, домохозяйки - домашние обязанности, чтобы присоединиться к диким гуляньям, и этот богатый торговый город стал ареной самого разрушительного беспорядка. Тайные желания возбуждались и слишком часто находили возможности для диких наслаждений; многочисленные нищие, побуждаемые пороком и несчастьем, пользовались этой новой жалобой, чтобы получить временные средства к существованию. Девочки и мальчики покидали своих родителей, а слуги - своих хозяев, чтобы развлекаться на танцах одержимых, и жадно впитывали яд психической заразы. Более сотни незамужних женщин были замечены бродящими по освященным и неосвященным местам, и последствия этого вскоре стали очевидны. Банды праздных бродяг, которые умели до мелочей имитировать жесты и конвульсии тех, кто действительно был поражен, кочевали с места на место в поисках содержания и приключений, и таким образом, где бы они ни находились, распространяли эту отвратительную спазматическую болезнь, как чуму; ведь при болезнях такого рода восприимчивые люди заражаются так же легко, как и в действительности. В конце концов возникла необходимость прогнать этих озорных гостей, которые оказались одинаково недоступны и экзорцизму священников, и средствам лекарей. Однако только через четыре месяца рейнские города смогли подавить эти самозванства, которые так тревожно усиливали первоначальное зло. Тем временем, будучи однажды вызванной к жизни, чума

прокралась дальше и нашла обильную пищу в том тоне мыслей, который преобладал в XIV и XV веках, и даже, хотя и в незначительной степени, в XVI и XVII, вызывая постоянное расстройство ума и демонстрируя в тех городах, для жителей которых она была в новинку, сцены столь же странные, сколь и отвратительные.

СЕКЦИЯ 2-СТ. ТАНЕЦ ВИТУСА

Страсбург посетила "танцевальная чума" в 1418 году, и среди его жителей существовало то же увлечение, что и в городах Бельгии и Нижнего Рейна. Многие, кто был захвачен видом заболевших, привлекали внимание сначала своим растерянным и нелепым поведением, а затем постоянно следующими за ними стаями танцоров. Днем и ночью они проходили по улицам в сопровождении музыкантов, играющих на волынках, и бесчисленных зрителей, привлеченных любопытством, к которым добавились встревоженные родители и родственники, пришедшие присмотреть за теми из заблуждающейся толпы, кто принадлежал к их семьям. Самозванство и распутство также играли свою роль в этом городе, но, похоже, преобладало само болезненное заблуждение. Религия могла оказать лишь временную помощь, поэтому городской совет проявил благосклонный интерес к пострадавшим. Они разделили их на отдельные партии, для каждой из которых назначили ответственных надзирателей, чтобы защитить их от вреда и, возможно, сдержать их буйство. Пешком и в каретах их доставляли в часовни святого Вита, расположенные неподалеку от Заберна и Ротештайна, где священники воздействовали на их заблудшие умы мессами и другими религиозными обрядами. После завершения богослужения их торжественной процессией вели к алтарю, где они подавали небольшую милостыню, и, вероятно, многие из них под влиянием набожности и святости места излечивались от этого прискорбного отклонения. Стоит отметить, что танцевальная мания не возобновлялась у алтарей святого, и что только к нему обращались за помощью, и благодаря его чудесному вмешательству ожидалось исцеление, которое было недоступно человеческому мастерству. Личная история святого Вита в данном случае не имеет никакого значения. Он был сицилийским юношей, который вместе с Модестом и Кресцентием принял мученическую смерть во время гонений на христиан при Диоклетиане, в 303 году. Легенды о нем неясны, и он наверняка был бы пропущен без внимания среди бесчисленных апокрифических мучеников первых веков, если бы перенос его тела к святому Денису, а затем, в 836 году, в Корвей, не возвел его в более высокий ранг. С этого времени можно предположить, что у его новой гробницы было явлено множество чудес, которые сыграли важную роль в утверждении римской веры среди германцев, и вскоре святой Вит был причислен к четырнадцати святым помощникам (Nothhelfer или Apotheke). Его алтари множились, люди прибегали к нему во всех бедах и почитали его как могущественного заступника. Однако поскольку поклонение этим святым в то время было лишено всех исторических связей, которые намеренно стирались священством, в начале XV века, а может быть, и в XIV, была придумана легенда о том, что св. Вит перед тем, как сложить шею под меч, молил Бога, чтобы тот защитил от Танцующей мании всех, кто будет праздновать день его памяти и поститься накануне, и тогда с небес раздался голос: "Вит, молитва твоя принята". Так святой Вит стал покровителем страдающих от Танцующей чумы, как в свое время святой Мартин Турский был помощником больных оспой, святой Антоний - страдающих от "адского огня", а святая Маргарита была Юноной Люциной для родильниц.

РАЗДЕЛ 3 - ПРИЧИНЫ

Связь Иоанна Крестителя с танцевальной манией XIV века носила совершенно иной характер. Изначально он был далек от того, чтобы быть святым, защищающим тех, кто подвергался нападкам, или тем, кто мог бы дать им облегчение от недуга, считавшегося

делом рук дьявола. Напротив, то, как ему поклонялись, послужило важной и весьма очевидной причиной для его развития. С самого отдаленного периода, возможно, еще в четвертом веке, день святого Иоанна праздновался со всевозможными странными и грубыми обычаями, из которых первоначальный мистический смысл был по-разному изуродован у разных народов добавлением реликтов язычества. Так, немцы перенесли на праздник дня святого Иоанна древний языческий обычай - разжигание "нодфира", который был запрещен им святым Бонифацием, и до сих пор сохранилось поверье, что люди и животные, проскочившие через это пламя или его дым, защищены на целый год от лихорадки и других болезней, как бы в результате своего рода крещения огнем. Вакхические пляски, возникшие по сходным причинам у всех грубых народов земли, и дикие экстравагантности разгоряченного воображения были постоянным сопровождением этого полуязыческого, полухристианского праздника. Однако в тот период, о котором мы рассказываем, германцы были не единственным народом, который поддавался порывам фанатизма в проведении праздника святого Иоанна Крестителя. Подобные обычаи встречались также у народов Южной Европы и Азии, и более чем вероятно, что греки перенесли на праздник Иоанна Крестителя, который также высоко почитается у магометан, часть своих вакхических мистерий, нелепость, которая слишком часто встречается в человеческих делах. Насколько воспоминание об истории смерти святого Иоанна могло повлиять на этот случай, мы оставим решать опытным теологам. Важно лишь добавить, что в Абиссинии, стране, полностью отделенной от Европы, где христианство сохранилось в своей первобытной простоте в борьбе с магометанством, Иоанну по сей день поклоняются как святому, защищающему тех, кто подвергся нападению танцевальной болезни. В этих осколках господства мистики и суеверий исторической связи не найти.

Однако если мы заметим, что первые танцоры в Экс-ла-Шапель появились в июле с именем святого Иоанна во рту, то можно предположить, что буйное веселье в день святого Иоанна, 1374 год н.э., породило эту душевную чуму, которая с тех пор поражает многие тысячи людей неизлечимыми отклонениями ума и отвратительными искажениями тела.

Это становится тем более вероятным, что за несколько месяцев до этого районы, расположенные по соседству с Рейном и Майном, пережили большие бедствия. Еще в феврале обе эти реки вышли из берегов; стены города Кельна, расположенного на берегу Рейна, обрушились, а многие деревни были доведены до крайнего бедствия. К этому добавилось плачевное состояние западной и южной Германии. Ни закон, ни эдикт не могли подавить непрекращающиеся междоусобицы баронов, а во Франконии, особенно во Франконии, казалось, возрождались древние времена клубного права. Охрана собственности отсутствовала; повсюду царил произвол; развращение нравов и грубая власть редко встречали даже слабое сопротивление; отсюда и жестокие, но прибыльные гонения на евреев, которые во многих местах продолжались на протяжении всего этого столетия с прежней жестокостью. Таким образом, по всей западной части Германии, особенно в районах, прилегающих к Рейну, проживало несчастное и угнетенное население; если мы примем во внимание, что среди их многочисленных групп бродило множество людей, чья совесть мучилась воспоминаниями о преступлениях, совершенных ими во время распространения Черной чумы, мы поймем, как их отчаяние искало облегчения в опьянении искусственного бреда. Поэтому есть все основания предполагать, что неистовое празднование праздника Святого Иоанна в 1374 году н. э. лишь довело до кризиса болезнь, которая давно уже надвигалась; и если мы хотим узнать, как безобидный до сих пор обычай, который, как и многие другие, служил лишь для поддержания суеверия, мог перерасти в столь серьезную болезнь, мы должны принять во внимание необычное возбуждение умов людей, а также последствия нищеты и нужды. Кишечник, который у многих был ослаблен

голодом и плохой пищей, был именно той частью, которая в большинстве случаев поражалась мучительной болью, и тимпаническое состояние кишечника указывает разумному врачу на происхождение расстройства, которое вполне заслуживает внимания.

РАЗДЕЛ 4 - БОЛЕЕ ДРЕВНИЕ ТАНЦЕВАЛЬНЫЕ ЧУМЫ

Танцевальная мания 1374 года на самом деле была не новой болезнью, а явлением, хорошо известным в Средние века, о котором в народе традиционно ходило множество чудесных историй. Говорят, что в 1237 году в Эрфурте около сотни детей внезапно заболели этой болезнью и, танцуя и прыгая, отправились по дороге в Арнштадт. Прибыв туда, они упали без сил на землю, и, согласно рассказу старой хроники, многие из них, после того как их забрали домой родители, умерли, а остальные до конца жизни страдали постоянной дрожью. Еще один случай произошел на Мозельском мосту в Утрехте 17 июня 1278 года, когда двести фанатиков начали танцевать и не прекращали, пока мимо не прошел священник, который нес Святыню больному человеку, после чего, как бы в наказание за их преступление, мост просел, и все они утонули. Подобное событие произошло в 1027 году возле монастырской церкви Кольбиг, недалеко от Бернбурга. Согласно часто повторяемой традиции, восемнадцать крестьян, некоторые из имен которых до сих пор сохранились на сайте, в канун Рождества нарушили богослужение, танцуя и бранясь на церковном дворе, после чего священник Рупрехт наложил на них проклятие, согласно которому они должны были танцевать и кричать целый год без остановки. Это проклятие, как утверждается, было полностью исполнено, так что несчастные страдалцы погрузились по колени в землю и оставались все это время без пищи, пока не были наконец освобождены благодаря заступничеству двух благочестивых епископов. Говорят, что после этого они погрузились в глубокий сон, который продолжался три дня, и четверо из них умерли, а остальные всю жизнь страдали от дрожи в конечностях. Не стоит разделять, что в этой странно искаженной истории могло быть правдой, а что - добавлением хитрых священников. Достаточно того, что в нее верили и рассказывали с изумлением и ужасом на протяжении всего Средневековья; так что если и была какая-то волнующая причина для этого безумного бреда и дикой ярости танцев, она не могла не произвести своего эффекта на людей, чьи мысли были преданы вере в чудеса и явления.

Эта склонность ума, в целом столь характерная для Средневековья, которая, к счастью для человечества, уступила более высокому уровню цивилизации и распространению народного образования, объясняет происхождение и длительность этого необычного психического расстройства. Здравый смысл людей с ужасом и отвращением отталкивался от этой тяжелой чумы, которую, когда злобные личности желали проклясть своих злейших врагов и недоброжелателей, долгое время использовали в качестве проклятия. Негодование, которое испытывали люди в целом против безнравственности эпохи, доказывается тем, что они приписывали этот страшный недуг неэффективности крещения, совершаемого нецеломудренными священниками, как будто невинные дети были обречены искупать в последующие годы это осквернение таинства, совершаемого нечестивыми руками. Мы уже упоминали, каким опасностям подвергались священники в Нидерландах из-за этого убеждения. Теперь, правда, они пытались ускорить примирение с раздраженным и в то время очень деградировавшим народом с помощью экзорцизма, который у некоторых вызывал большее уважение, чем когда-либо, поскольку таким образом они зримо восстанавливали тысячи пострадавших. В целом, однако, преобладала неуверенность в их эффективности, и тогда священные обряды имели так же мало силы, чтобы остановить развитие этого глубоко укоренившегося недуга, как впоследствии молитвы и святые службы

у алтарей высокочтимого мученика святого Вита. Поэтому мы можем приписать случайности и некоторому отвращению к этой демонической болезни, которая казалась недоступной человеческому мастерству, то, что во второй половине XV века мы встречаем лишь немногочисленные и несовершенные упоминания о танцах святого Витта. Красочные описания XVI века противоречат представлению о том, что эта душевная чума хоть в какой-то степени уменьшилась в своей тяжести, и нельзя найти ни одного факта, подтверждающего мнение, что хоть один из основных симптомов болезни, даже за исключением тимпани, исчез, или что само расстройство стало более мягким в своих приступах. Врачи никогда, как кажется, на протяжении всего пятнадцатого века, не брались за лечение Танцующей мании, которая, согласно господствующим представлениям, принадлежала исключительно служителям Церкви. Против демонических расстройств у них не было никаких средств, и хотя некоторые поначалу провозглашали мнение, что недуг имеет естественное происхождение, например, горячий темперамент и другие причины, названные во фразеологии школ, однако эти мнения были тем менее изучены, что не стоило разделять с ревнивым священством заботу о множестве фанатичных бродяг и нищих.

РАЗДЕЛ 5. ВРАЧИ

Только в начале XVI века танец святого Витта стал предметом медицинского исследования и лишился своего неприглядного характера демонической работы. Это было сделано Парацельсом, могущественным, но до сих пор мало кем понятым реформатором медицины, целью которого было вывести болезни из-под власти чудесных вмешательств и святых влияний и объяснить их причины на основе принципов, выведенных из его знаний о человеческом организме. "Мы, однако, не признаем, что святые имеют силу причинять болезни и что они должны быть названы в их честь, хотя есть многие, кто в своей теологии делает большой акцент на этом предположении, приписывая их скорее Богу, чем природе, что является пустой болтовней. Нам не нравятся такие вздорные сплетни, не подкрепленные симптомами, а лишь верой - вещью нечеловеческой, которой сами боги не придают никакого значения".

Таковы были слова Парацельса, обращенные к его современникам, которые еще были неспособны оценить доктрины такого рода; ведь вера в чары все еще оставалась непоколебимой, а вера в мир духов все еще держала умы людей в столь тесном рабстве, что тысячи людей, по их собственному убеждению, отдавались в жертву дьяволу; в то время как по велению религии и закона зажигались бесчисленные костры, в пламени которых должно было очиститься человеческое общество.

Парацельс делит танец святого Витта на три вида. Во-первых, тот, что возникает из воображения (*Vitista, Chorea imaginativa, æstimativa*), под которым следует понимать оригинальную Танцующую чуму. Во-вторых, то, что возникает из чувственных желаний, зависящих от воли (*Chorea lasciva*). В-третьих, возникающая по телесным причинам (*Chorea naturalis, coacta*), которую он, согласно своему странному представлению, объяснял тем, что в некоторых сосудах, подверженных внутреннему возбуждению и вызывающих смех, кровь приходит в движение вследствие изменения жизненного духа, что приводит к произвольным приступам пьянящей радости и склонности к танцам. К такому мнению его, несомненно, привело наблюдение за более мягкой формой танца святого Вита, нередкой в его время, которая сопровождалась произвольным смехом и имела сходство с истерическим смехом современных людей, за исключением того, что характеризовалась более приятными ощущениями и экстравагантной склонностью к танцам. Здесь не было воя, криков и прыжков, как в более тяжелой форме; не было и непреодолимой склонности к танцам. Пациенты, пораженные таким образом, хотя и не могли полностью контролировать

свое понимание, все же были достаточно самообладающими во время приступа, чтобы подчиняться полученным указаниям. Среди них были даже такие, которые вообще не танцевали, а только чувствовали непроизвольный импульс, чтобы ослабить внутреннее чувство тревоги, которое обычно является предвестником приступа такого рода, с помощью смеха и быстрой ходьбы, доведенной до степени усталости. Это расстройство, столь отличное от первоначального типа, очевидно, приближается к современной хорее; или, скорее, находится в полном соответствии с ней, даже в отношении менее существенного симптома смеха. Таким образом, смягчение формы Танцевальной мании явно произошло в начале шестнадцатого века.

О передаче танца святого Витта через симпатию Парацельс на своем особом языке выражается с большим духом и показывает глубокое знание природы чувственных впечатлений, которые проникают в сердце - место радости и эмоций - и преодолевают сопротивление разума; и в то время как "все другие качества и натуры" покорены, непрерывно побуждают пациента, вследствие его первоначального соответствия и его всепобеждающего воображения, подражать тому, что он видел. Его лечение болезни мы не можем похвалить, но должны довольствоваться замечанием, что оно соответствовало представлениям эпохи, в которой он жил. Для первого вида, который часто возникал на почве страстного возбуждения, у него было психическое средство, эффективность которого не стоит презирать, если оценивать его значение в связи с распространенными в те времена мнениями. Пациент должен был сделать изображение себя в воске или смоле и усилием мысли сконцентрировать все свои хулы и грехи в . "Без вмешательства кого-либо другого, вложить в образ весь свой разум и мысли, касающиеся этих клятв"; и когда ему это удавалось, он должен был сжечь образ, чтобы от него не осталось ни частицы. Во всем этом не упоминается ни святой Вит, ни другие святые-посредники, что объясняется тем, что в это время начался открытый мятеж против Римской церкви, и поклонение святым многие отвергали как идолопоклонство. Для второго вида танца святого Вита, возникающего от чувственного раздражения, которым женщины страдали гораздо чаще, чем мужчины, Парацельс рекомендовал суровое лечение и строгий пост. Он предписывал лишать пациентов свободы, помещать их в одиночную камеру и заставлять сидеть в неудобном месте, пока страдания не приведут их в чувство и не вызовут у них чувство раскаяния. Затем он разрешал им постепенно возвращаться к привычному образу жизни. Не обходилось и без суровых телесных наказаний; но, с другой стороны, необходимо было тщательно избегать гневного сопротивления со стороны пациента, так как это могло усилить его болезнь или даже погубить его: кроме того, там, где это казалось целесообразным, Парацельс ослаблял нервное возбуждение погружением в холодную воду. На лечении третьего вида мы не будем останавливаться. Оно должно было осуществляться с помощью всевозможных чудесных средств, состоящих из квинтэссенций; чтобы сделать его понятным, потребовалось бы более подробное изложение особых принципов, чем это соответствует нашей цели.

РАЗДЕЛ 6 - СПАД И ПРЕКРАЩЕНИЕ ТАНЦУЮЩЕЙ ЧУМЫ

Примерно в это время пляска святого Витта стала уменьшаться, так что легкие формы стали появляться чаще, а тяжелые случаи - реже; и даже в них некоторые важные симптомы постепенно исчезали. Парацельс не упоминает о том, что тимпаниты проходят после приступов, хотя иногда это могло происходить; а Шенк фон Граффенберг, знаменитый врач второй половины XVI века, говорит об этой болезни как о частом явлении только во времена своих предков; его описания, однако, применимы ко всему тому веку и к концу XV. Пляска святого Витта поражала людей всех сословий, особенно тех, кто вел сидячий образ жизни,

например сапожников и портных; но даже самые крепкие крестьяне бросали свой труд в поле, словно одержимые злыми духами; и вот пораженных видели беспорядочно собирающимися время от времени в определенных местах и, если им не мешали наблюдатели, продолжающими танцевать без перерыва, до последнего вздоха. Их ярость и экстравагантность поведения настолько лишали их рассудка, что многие из них разбивали свои мозги о стены и углы зданий или бросались с головой в быстрые реки, где и находили себе водяную могилу. Ревущие и пенящиеся люди могли сдерживать их только тем, что ставили на их пути скамейки и стулья, чтобы в результате высоких прыжков, на которые они соблазнялись, их силы были исчерпаны. Как только это происходило, они безжизненно падали на землю и очень медленно восстанавливали свои силы. Немало было и таких, кто даже при таком напряжении сил не израсходовал бушевавшую в них бурю, а проснулся с вновь ожившими силами и снова и снова смешивался с толпой танцующих, пока наконец бурное возбуждение их расстроенных нервов не было ослаблено большим произвольным напряжением конечностей, а душевное расстройство успокоено крайним истощением тела. Таким образом, сами приступы были в этих случаях, как и во всех других нервных заболеваниях, необходимыми кризисами внутреннего болезненного состояния, которое передавалось от сенсорики к нервам движения, а в более ранний период - к брюшному сплетению, где глубокое нарушение системы было заметно по выделению флатуса в кишечнике.

Излечение, вызванное этими бурными приступами, во многих случаях было настолько совершенным, что некоторые пациенты возвращались к работе на фабрике или к плугу как ни в чем не бывало. Другие же, напротив, расплачивались за свою глупость таким полным упадком сил, что не могли вернуть себе прежнее здоровье даже с помощью самых укрепляющих средств. Медики с удивлением наблюдали, что женщины на поздних сроках беременности способны пережить приступ болезни без малейшего вреда для своего потомства, которое они защищали лишь повязкой, наложенной на талию. Подобные случаи были нередки и во времена Шенка. То, что пациенты должны испытывать сильное воздействие музыки, и их пароксизмы, вызванные и усиленные ею, естественны при таких нервных расстройствах, когда через ухо, которое является наиболее интеллектуальным из всех органов, производятся более глубокие впечатления, чем через любое из других чувств. В связи с этим магистрат нанял музыкантов, чтобы танцоры святого Витта быстрее проходили через приступы, и распорядился, чтобы среди них были атлеты для полного изнеможения, которое, как было замечено, часто дает хороший эффект. В то же время было запрещено носить красную одежду, потому что при виде этого цвета страдальцы приходили в такую ярость, что бросались на тех, кто ее носил, и так стремились причинить им вред, что их с трудом удавалось сдерживать. В пароксизме они часто рвали на себе одежду и совершали другие неподобающие поступки, так что самые богатые нанимали конфиденгов, чтобы те сопровождали их и следили за тем, чтобы они не причиняли вреда ни себе, ни другим. Однако во времена Шенка эта необычная болезнь была настолько ослаблена, что танцовщицы Святого Вита уже давно перестали шастать из города в город, а этот врач, как и Парацельс, не упоминает о тимпаническом раздувании кишечника. Более того, большинство страдальцев приступы посещали лишь ежегодно, а повод для них был настолько явно связан с господствующими в тот период представлениями, что если бы безоговорочная вера в сверхъестественную силу святых могла быть отменена, то жалобы бы не возвращались. В течение всего июня, до праздника святого Иоанна, пациенты чувствовали беспокойство и тревогу, которые не могли преодолеть. Они были подавлены, робки и тревожны; бродили в беспокойном состоянии, мучимые дергающими болями, которые внезапно охватывали их в разных частях тела, и с нетерпением ожидали кануна дня святого Иоанна, в уверенной надежде, что, поплясав у алтарей этого святого или святого

Вита (поскольку в Брейсгау помощи искали в равной степени у обоих), они избавятся от всех своих страданий. Эта надежда не оправдалась, и до конца года они оставались свободными от дальнейших напастей, после того как, танцуя и беснуясь в течение трех часов, удовлетворяли непреодолимое требование природы. В тот период в Брейсгау было две часовни, которые посещали танцоры святого Вита: часовня святого Вита в Биссене, близ Брейзаха, и часовня святого Иоанна, близ Васенвайлера; вполне вероятно, что на юго-западе Германии эта болезнь все еще существовала в семнадцатом веке.

Однако с каждым годом она становилась все более редкой, так что в начале семнадцатого века ее наблюдали лишь изредка в древней форме. Так, весной 1623 года Г. Хорст увидел женщин, которые ежегодно совершали паломничество к часовне святого Вита в Дрефельхаузене, близ Вайсенштайна, на территории Ульма, чтобы там переждать танцевальный припадок, как это делали, согласно рассказу Шенка, жительницы Брейсгау. Однако они не удовлетворились трехчасовым танцем, а продолжали день и ночь пребывать в состоянии душевной аберрации, как люди в экстазе, пока не упали без сил на землю; когда же они снова пришли в себя, то почувствовали облегчение от мучительного беспокойства и болезненного ощущения тяжести в теле, на которое они жаловались в течение нескольких недель до дня святого Вита.

После этого потрясения они оставались здоровыми в течение всего года; и так велика была их вера в защитную силу святого, что один из них посетил эту святыню в Дрефельхаузене более двадцати раз, а другой уже в тридцать второй раз отмечал день святого на этой святой станции.

Сам танцевальный припадок здесь, как, вероятно, и в других местах, вызывался музыкой, от воздействия которой пациенты впадали в конвульсии. Множество сопутствующих свидетельств говорят о том, что музыка в целом способствовала продолжению танца святого Вита, порождала и усиливала его пароксизмы, а иногда была причиной их смягчения. Уже в XIV веке стаи танцоров Св. Иоанна сопровождалась менестрелями, играющими на шумных инструментах, которые возбуждали их болезненные чувства; и можно легко предположить, что при исполнении оживленных мелодий и стимулирующем воздействии пронзительных тонов фиф и труб пароксизм, который сам по себе был, возможно, незначительным, мог во многих случаях усиливаться до самой неистовой ярости, как в более поздние времена специально вызывали, чтобы сила болезни была истощена жестокостью ее приступа. Более того, с помощью одурманивающей музыки был устроен своего рода демонический праздник для грубой толпы, что способствовало все более широкому распространению этого несчастного недуга. Однако для успокоения возбуждения людей использовались мягкие гармонии, и в качестве характерной черты мелодий, исполнявшихся в этом случае танцорами Святого Вита, можно назвать то, что они содержали переходы от быстрой меры к медленной и постепенно переходили от высокого тона к низкому. К сожалению, до наших дней не дошло никаких следов этой музыки, что объясняется отчасти катастрофическими событиями XVII века, а отчасти тем, что беспорядки рассматривались как исключительно национальные, и лишь вскользь были замечены иностранными учеными. Если в начале семнадцатого века танец святого Вита уже находился в упадке, то последующие события были совершенно неблагоприятны для его продолжения. Войны, которые велись враждебно и с разным успехом в течение тридцати лет, сотрясали запад Европы; и хотя невыразимые бедствия, которые они принесли Германии, как во время их продолжения, так и по их непосредственным последствиям, отнюдь не благоприятствовали прогрессу знаний, все же, с яростью очищающего огня, они постепенно привели к интеллектуальному возрождению

немцев; Суеверие в его древней форме больше никогда не появлялось, а вера во власть духов, которая преобладала в средние века, навсегда утратила свою некогда грозную силу.

ГЛАВА III ТАНЦЕВАЛЬНАЯ МАНИЯ В ИТАЛИИ

РАЗДЕЛ 1 - ТАРАНТИЗМ

Для танцоров Святого Вита было очень выгодно, что они выбрали любимого святого покровителя; ведь, не говоря уже о том, что люди были склонны сравнивать их с одержимыми злыми духами, описанными в Библии, и, следовательно, считать их невинными жертвами власти сатаны, имя их великого заступника рекомендовало их ко всеобщему одобрению, и таким образом была установлена магическая граница для каждого грубого чувства, которое в противном случае могло бы оказаться враждебным их безопасности. Другим фанатикам не так повезло: с ними часто обращались с самой безжалостной жестокостью, когда представления средневековья либо оправдывали, либо предписывали это как религиозный долг. Так, не обращая внимания на бесчисленные случаи сожжения ведьм, которые, в конце концов, были всего лишь заблуждением, тевтонские рыцари в Пруссии нередко приговаривали к костру тех маньяков, которые воображали себя метаморфозами волков - необыкновенный вид безумия, которое, существовавшее в Греции до нашей эры, со временем распространилось по всей Европе, так что передалось не только ромейским, но и германским и сарматским народам, и перешло от древних как наследие несчастья к потомкам. В наше время ликантропия - так называли это увлечение - исчезла с лица земли, но, тем не менее, она заслуживает внимания наблюдателя человеческих отклонений, и ее история, написанная каким-нибудь писателем, одинаково хорошо знакомым как со средневековьем, так и с античностью, по-прежнему является необходимым условием. Мы оставим его пока без внимания и обратимся к болезни, самой необычной по всем своим явлениям, имеющей тесную связь с танцем святого Вита и, благодаря сопоставлению фактов, которые в целом похожи, дающей нам поучительный предмет для размышлений. Речь идет о болезни под названием тарантизм, которая впервые появилась в Апулии, а затем распространилась по другим провинциям Италии, где в течение нескольких веков свирепствовала как большая эпидемия. В наше время он исчез или, по крайней мере, полностью утратил свое первоначальное значение, как и танец святого Вита, ликантропия и колдовство.

РАЗДЕЛ 2 ДРЕВНЕЙШИЕ СЛЕДЫ - ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Самый ранний рассказ об этом странном расстройстве принадлежит ученому Николасу Перотти. Никто не сомневался, что оно вызвано укусом тарантула, наземного паука, распространенного в Апулии: страх перед этим насекомым был настолько всеобщим, что его укус, по всей вероятности, гораздо чаще представляли себе или принимали за него укус какого-нибудь другого насекомого, чем получали на самом деле. Слово "тарантул", по-видимому, то же самое, что и "террантола", название, данное итальянцами стеллиону старых римлян, который был разновидностью ящерицы, по слухам, ядовитой, и наделенной легковерием такими необычными качествами, что, подобно змее из Моисеева сказания о сотворении мира, он олицетворял в воображении вульгарных людей понятие хитрости, так что даже юристы обозначали хитрое мошенничество названием "стеллионатус". Перотти прямо уверяет нас, что римляне называли эту рептилию тарантулом; И поскольку он сам, один из самых выдающихся авторов своего времени, странным образом смешивает пауков и ящериц, так что считает апулийского тарантула, которого он причисляет к классу пауков, имеющим то же значение, что и ящерица, называемая $\alpha\sigma\kappa\alpha\lambda\ \beta\omega\tau\eta\varsigma$, то тем более необычно,

что неученые деревенские жители Апулии должны смешивать ужасного наземного паука со сказочной звездчатой ящерицей и присваивать одному из них имя другого. Происхождение слова "тарантул" от города Тарентум или реки Тары в Апулии, на берегах которой, как говорят, это насекомое встречалось чаще всего, или, по крайней мере, его укус имел самый ядовитый эффект, кажется, не подкреплено авторитетом. Вот так и с названием этого знаменитого паука, которое, если мы не сильно ошибаемся, не бросает никакого света на природу рассматриваемого заболевания. Натуралисты, которые, обладая знанием прошлого, не должны злоупотреблять своими талантами, используя их для установления сухого различия форм, найдут здесь много того, что требует исследования, и их усилия прояснят многие неясности.

Перотти утверждает, что тарантул, то есть так называемый паук, не встречался в Италии в прежние времена, но в его время он стал обычным, особенно в Апулии, а также в некоторых других районах. Однако он не заслуживает большого доверия как натуралист, несмотря на то, что читал в Болонье лекции по медицине и другим наукам. Он, по крайней мере, пренебрег доказательством своего утверждения, которое не подтверждается ни одним аналогичным явлением, наблюдаемым в современное время в отношении истории паукообразных. Ни в коем случае нельзя признать, что тарантул не появился в Италии до того, как болезнь, приписываемая его укусу, стала заметной, даже если бы бури, более сильные, чем те беспримерные ураганы, которые возникли во время Черной смерти в середине XIV века, привели в движение мир насекомых; ведь паук мало подвержен тем космическим влияниям, которые иногда умножают саранчу и других крылатых насекомых до удивительной степени и заставляют их мигрировать.

Симптомы, которые Перотти перечисляет в качестве последствий укуса тарантула, очень точно совпадают с теми, что описаны более поздними авторами. Те, кого укусили, обычно впадали в состояние меланхолии, казались одурманенными и едва владели своими чувствами. Во многих случаях это состояние сочеталось с настолько сильной чувствительностью к музыке, что при первых же звуках любимых мелодий они вскакивали, кричали от радости и танцевали без перерыва, пока не опускались на землю обессиленными и почти безжизненными. У других болезнь не принимала такого веселого оборота. Они постоянно плакали и, словно тоскуя по какому-то неудовлетворенному желанию, проводили дни в величайших страданиях и тревогах. Другие, опять же в болезненных приступах любви, бросали тоскливые взгляды на женщин, и зафиксированы случаи смерти, которые, как говорят, происходили в пароксизме то ли смеха, то ли плача".

Из этого неполного описания легко понять, что тарантизм, основные симптомы которого в нем упомянуты, не мог возникнуть в XV веке, к которому относится рассказ Перотти; ведь этот автор говорит о нем как об известном недуге и утверждает, что отсутствие упоминания о нем у старых писателей следует приписать исключительно недостатку образования в Апулии, единственной провинции, где, вероятно, в то время преобладала эта болезнь. Нервное расстройство, достигшее столь высокой степени развития, должно было существовать давно и, несомненно, требовало тщательной подготовки в результате совпадения общих причин.

Симптомы, возникающие после укуса ядовитых пауков, были хорошо известны древним и привлекали внимание их лучших наблюдателей, которые сходятся в их описании. Вероятно, к многочисленным видам фаланги относится и апулийский тарантул, но точно установить это трудно, тем более что в Италии тарантул был не единственным насекомым, вызывавшим это нервное заболевание: подобные результаты приписывались и укусу скорпиона. Синюшность всего тела, а также лица, затрудненная речь, тремор конечностей, ледяная холодность, бледная моча, подавленность духа, головная боль, поток слез, тошнота, рвота,

сексуальное возбуждение, метеоризм, обмороки, дизурия, бдительность, вялость, даже сама смерть, приводились ими в качестве последствий укуса ядовитых пауков, причем они не делали различий между их видами. К этим симптомам можно добавить странный слух, повторявшийся на протяжении всего средневековья, о том, что у укушенных людей из кишечника и почек, а также при рвоте выделяются вещества, напоминающие паутину.

Однако нигде мы не находим упоминаний о том, что пострадавшие испытывали непреодолимую тягу к танцам или что они случайно излечивались с их помощью. Даже Константин Африканский, живший через 500 лет после Аэция и, будучи самым ученым врачом салернской школы, несомненно, не обошел бы вниманием столь приемлемый предмет для замечания, ничего не знает о столь памятном течении этой болезни, возникающей от яда, и лишь повторяет наблюдения своих греческих предшественников. Гариопонт, салернский врач XI века, первым описал вид безумия, отдаленное родство которого с болезнью тарантула становится очевидным благодаря очень яркому симптому. Больные во время внезапных приступов вели себя как маньяки, вскакивали, дикими движениями разбрасывали руки и, если под рукой случайно оказывался меч, ранили себя и других, так что приходилось тщательно их оберегать. Они воображали, что слышат голоса и различные звуки, и если во время этой иллюзии до их слуха доносились звуки любимого инструмента, они начинали спазматический танец или бежали со всей энергией, на которую были способны, до полного изнеможения. На этих опасных маньяков, которые, судя по всему, появлялись в большом количестве, смотрели как на легион дьяволов, но о причинах их болезни этот неизвестный автор не добавляет ничего, кроме того, что он считает (как ни странно), что иногда она может быть вызвана укусом бешеной собаки. Он называет эту болезнь *Anteneasmus*, под которой, несомненно, подразумевается *Enthusiasmus* греческих врачей. Мы приводим это явление в качестве важного предтечи тарантизма, будучи убеждены, что таким образом мы пополнили доказательства того, что развитие этого последнего должно было быть основано на обстоятельствах, существовавших с XII по конец XIV века; ведь происхождение самого тарантизма можно с большой вероятностью отнести к периоду между серединой и концом этого века, и, следовательно, оно совпадает с танцем Святого Вита (1374). Влияние римско-католической религии, связанной, как это было в средние века, с пышностью процессий, публичными упражнениями в покаянии и бесчисленными практиками, которые сильно возбуждали воображение ее приверженцев, безусловно, приводило разум в очень благоприятное состояние для получения нервного расстройства. Соответственно, пока доктрины христианства были смешаны с мистицизмом, эти недозволенные расстройства преобладали в значительной степени, и даже в наши дни мы видим, что они распространяются с наибольшей легкостью там, где существование суеверия производит тот же эффект в более ограниченных районах, что и когда-то среди целых народов. Но это еще не все. Каждая страна Европы, а Италия, пожалуй, больше других, была посещена в средние века страшными чумами, которые следовали одна за другой так быстро, что почти не давали измученным людям времени на выздоровление. Восточная бубонная чума опустошала Италию шестнадцать раз в период между 1119 и 1340 годами. Оспа и корь были еще более разрушительными, чем в наше время, и повторялись так же часто. Огонь святого Антония был страшилищем города и деревни; а отвратительная болезнь, проказа, которая после крестовых походов распространила свой вкрадчивый яд во все стороны, вырвала из отцовского очага бесчисленное множество жертв, которые, изгнанные из человеческого общества, томились в одиноких хижинах, где их сопровождали только жалость доброжелателей и собственное отчаяние. Все эти бедствия, о которых современные люди почти не сохранили воспоминаний, были до невероятной степени усилены Черной смертью, которая распространила по Италии безграничное опустошение и несчастье. Умы людей повсюду были болезненно чувствительны; и как это случается с

людьми, чьи чувства, когда они страдают от беспокойства, становятся более раздражительными, так что мелочи превращаются в объекты большой тревоги, а легкие потрясения, которые едва ли повлияли бы на дух в здоровом состоянии, породили в них тяжелые болезни, так было и со всем этим народом, во все времена столь живым к эмоциям, а в тот период столь болезненно угнетенным ужасами смерти.

Укус ядовитых пауков, а точнее, необоснованный страх перед его последствиями, вызвал в этот период, хотя не мог бы сделать этого раньше, жестокое нервное расстройство, которое, подобно пляске святого Витта в Германии, распространилось по симпатиям, усиливаясь по мере распространения и еще более расширяя свои опустошения от долгого продолжения. Таким образом, с середины XIV века фурии *Танца* обрушили свой бич на страдающих смертных; а музыка, к которой жители Италии, возможно, впервые, проявили восприимчивость и талант, стала способна вызывать экстатические приступы у страдающих, а затем послужила магическим средством изгнания меланхолии.

РАЗДЕЛ 3 - УВЕЛИЧЕНИЕ

В конце XV века мы видим, что тарантизм распространился за пределы Апулии, и страх перед укусом ядовитых пауков усилился. От раны, нанесенной этими насекомыми, не ждали ничего, кроме смерти, а если укушенным удавалось спастись, то, как говорят, они впадали в уныние. Многие становились слабовидящими или слабослышащими, некоторые теряли дар речи, и все были невосприимчивы к обычным поводам для волнения. Ничто, кроме флейты и цитры, не приносило им облегчения. При звуках этих инструментов они, как по волшебству, просыпались, открывали глаза и, двигаясь сначала медленно, в такт музыке, с течением времени постепенно переходили к самому страстному танцу. Было заметно, что деревенские люди, грубые и не знающие музыки, демонстрировали в таких случаях необыкновенную грацию, как будто их хорошо натренировали в изящных движениях тела; ведь особенность подобных нервных расстройств заключается в том, что органы движения находятся в измененном состоянии и полностью подвластны перенапряженному духу. Города и деревни в течение всего летнего сезона звучали нотами фиф, кларнетов и турецких барабанов; повсюду можно было встретить пациентов, которые считали танцы своим единственным средством. Александр аб Александро, который приводит этот рассказ, увидел в отдаленной деревне молодого человека, охваченного сильным приступом тарантизма. Он с нетерпением и неподвижным взглядом прислушивался к звукам барабана, и его грациозные движения постепенно становились все более и более бурными, пока его танцы не превратились в череду бешеных прыжков, требовавших максимального напряжения всех его сил. В разгар этого перенапряжения души и тела музыка внезапно прекратилась, и он тут же бессильно упал на землю, где лежал бесчувственно и неподвижно, пока ее магическое воздействие вновь не пробудило его к возобновлению своих страстных выступлений.

В тот период, о котором мы рассказываем, существовало всеобщее убеждение, что под воздействием музыки и танцев яд тарантула распределяется по всему телу и выводится через кожу, но если в сосудах остается хоть малейший его остаток, то это становится постоянным зародышем расстройства, так что танцевальные припадки могут вновь и вновь вызываться музыкой до бесконечности. Это убеждение, напоминающее заблуждение тех безумцев, которые, освободившись от мнимых причин своих страданий, лишь на короткое время избавляются от своих ложных представлений, имело самые пагубные последствия: ведь вследствие него больные непременно убеждались в неизлечимости своего расстройства. Они ожидали от музыки облегчения, но не излечения; и когда летний зной пробуждал в них воспоминания о танцах предыдущего года, они, подобно танцорам святого

Вита того же периода до дня святого Вита, снова становились унылыми и мизантропичными, пока музыкой и танцами не развеивали меланхолию, ставшую для них своего рода чувственным наслаждением.

При таких благоприятных обстоятельствах очевидно, что тарантизм должен был с каждым годом прогрессировать. Число людей, страдающих от него, увеличивалось до невероятных размеров, ведь тот, кто действительно был или даже воображал, что его однажды укусил ядовитый паук или скорпион, ежегодно появлялся там, где звучали веселые ноты тарантеллы. Любопытные самки присоединялись к толпе и заражались болезнью, но не от яда паука, а от психического яда, который они охотно принимали через глаза; таким образом, излечение тарантаса постепенно превратилось в регулярный праздник, который народ ожидал с нетерпением.

Не приписывая больше обману и мошенничеству, чем особой природе прогрессирующего психического заболевания, можно легко понять, что случаи этого странного расстройства теперь становились все более частыми. Знаменитый Маттиоли, заслуживающий полного доверия, рассказывает об этом как очевидец. Он видел те же необыкновенные эффекты, производимые музыкой, что и Александро, ибо, как бы ни были измучены болью, как бы ни были безнадежны к облегчению пациенты, лежавшие на кушетке болезни, при первых же звуках тех мелодий, которые производили на них впечатление - но так было только с тарантеллой, сочиненной специально для этой цели, - они оживали, словно вдохновленные новой жизнью и духом, и, не обращая внимания на свое расстройство, начинали двигаться размеренными жестами, танцуя по часу без усталости, пока, покрытые приятным потом, не ощущали спасительную вялость, которая избавляла их по крайней мере на время, а может быть, и на целый год, от их дефекации и гнетущего чувства общего недомогания. Опыт Александро о вредных последствиях внезапного прекращения музыки был в целом подтвержден Маттиоли. Если кларнеты и барабаны прекращались на одно мгновение, что, поскольку самые искусные плательщики были утомлены пациентами, не могло не происходить время от времени, они страдали от вялости конечностей, снова опускались в изнеможении на землю и не могли найти утешения, кроме как в возобновлении танца. В связи с этим старались продолжать музыку до изнеможения; ведь лучше было заплатить нескольким дополнительным музыкантам, которые могли бы подбадривать друг друга, чем позволить пациенту в разгар этого лечебного занятия вновь погрузиться в столь плачевное состояние страдания. Приступ, возникающий после укуса тарантула, Маттиоли описывает как очень разный по своей манере. Одни становились болезненно возбужденными, так что долгое время оставались без сна, смеялись, танцевали и пели в состоянии сильнейшего возбуждения. Другие, напротив, испытывали сонливость. Многие чувствовали тошноту и страдали от рвоты, а некоторые испытывали постоянную дрожь. Полная мания была нередким явлением, не говоря уже об обычном упадке духа и других сопутствующих симптомах.

РАЗДЕЛ 4-ИДИОСИНКРАЗИЯ-МУЗЫКА

Необъяснимые эмоции, странные желания и болезненные чувственные раздражения всех видов были столь же распространены, как и при танце святого Вита и подобных больших нервных расстройствах. Уже в XVI веке пациентов видели вооруженными сверкающими шпагами, которыми во время приступа они размахивали с дикими жестами, как будто собирались участвовать в фехтовальном поединке. Даже женщины презирали всякую женскую деликатность и, принимая этот бесстрастный вид, делали то же самое; и это явление, как и возбуждение, которое танцоры-птицеловы испытывали при виде всего, что

имело металлический блеск, было весьма распространено вплоть до того периода, когда в наше время эта болезнь исчезла.

Отвращение к одним цветам и приятные ощущения, вызываемые другими, были гораздо более выражены у возбудимых итальянцев, чем в танце святого Витта у более флегматичных немцев. Красные цвета, которые танцовщицы святого Витта ненавидели, им, как правило, нравились, так что редко можно было встретить пациента, который не носил бы с собой красный платок для своего удовольствия или не ловил бы жадным взглядом красные предметы одежды, надетые на прохожих. Одни предпочитали желтые, другие - черные цвета, и объяснение этому, согласно господствующим в то время представлениям, искали в разнице темпераментов. Другие, наоборот, были очарованы зеленым; очевидцы описывают эту неистовую любовь к цветам как настолько необычную, что едва ли можно найти слова, чтобы выразить свое удивление. Не успевали пациенты увидеть любимый цвет, как, несмотря на новизну впечатления, они, словно разъяренные животные, бросались к объекту, пожирали его жадными взглядами, целовали и ласкали всеми возможными способами и постепенно смиряться с более мягкими ощущениями, принимали томительное выражение очарованных влюбленных и обнимали платок или какой-либо другой предмет, который им преподносили, с самым сильным пылом, а слезы текли из их глаз, как будто они были полностью подавлены опьяняющим впечатлением, произведенным на их чувства.

Танцевальные припадки некоего монаха-капуцина в Тарентуме вызвали такое любопытство, что кардинал Кахетано отправился в монастырь, чтобы своими глазами увидеть, что там происходит. Как только монах, находившийся в разгаре своего танца, увидел духовного принца в красных одеждах, он перестал слушать тарантеллу музыкантов, а странными жестами попытался приблизиться к кардиналу, словно желая пересчитать нити его алой мантии и унять свою острую тоску ее запахом. Вмешательство зрителей и собственное уважение не позволили ему прикоснуться к ней, и, не успокоив раздражение чувств, он впал в состояние такого страдания и беспокойства, что вскоре упал в обморок, от которого оправился только после того, как кардинал с состраданием подал ему плащ. Он тут же схватил его в величайшем экстазе и прижал то к груди, то ко лбу и щекам, а затем снова начал свой танец, словно в безумии любовного припадка.

При виде цветов, которые им не нравились, пациенты впадали в жесточайшую ярость и, подобно танцорам Святого Вита при виде красных предметов, с трудом удерживались от того, чтобы не разорвать одежду тех зрителей, которые вызывали в них столь неприятные ощущения.

Другим не менее необычным симптомом была страстная тоска по морю, которую проявляли пациенты. Как Иоанновские плясуны XIV века видели в духе, что небеса разверзаются и являют все великолепие святых, так и те, кто страдал от укуса тарантула, чувствовали себя привлеченными безбрежным простором синего океана и теряли себя в его созерцании. В некоторых песнях, которые сохранились до наших дней, отмечалась эта особая тоска, которая выражалась, кроме того, в значительной музыке и возбуждалась даже при одном упоминании о море. Некоторые, в ком эта восприимчивость была доведена до высшей степени, со слепой яростью бросались в синие волны, как танцоры Святого Вита иногда бросались в быстрые реки. Это состояние, столь противоположное страшному состоянию гидрофобии, проявлялось у других только в удовольствии, которое доставлял им вид прозрачной воды в стаканах. Их они держали в руках во время танца, демонстрируя при этом странные движения и давая выход самым экстравагантным проявлениям своих чувств. Они были в восторге, когда посреди пространства, отведенного для этих упражнений, были поставлены более просторные сосуды, наполненные водой и окруженные камышами и

водяными растениями, в которых они с видимым удовольствием купали свои головы и руки. Другие катались по земле и по собственному желанию зарывались по горло в землю, чтобы облегчить страдания своего состояния; не говоря уже о бесконечном множестве других симптомов, свидетельствующих об извращенном действии нервов.

Однако все эти способы облегчения были ничто по сравнению с неотразимым очарованием музыкального звука. В древние времена предпринимались попытки смягчить боль от радикулита или пароксизмов мании с помощью мягкой мелодии флейты, и, что еще более применимо к настоящей цели, устранить опасность, возникающую от укуса гадюки, с помощью того же средства. Однако это было испробовано лишь в очень малой степени. Но после укуса тарантула, по общему мнению, жизнь можно было спасти только музыкой; и вряд ли считалось исключением из общего правила, что время от времени плохие последствия ранения предотвращались наложением лигатуры на укушенную конечность или внутренними лекарствами, или что сильные люди иногда выдерживали действие яда, не прибегая ни к каким средствам. Гораздо чаще, что вполне соответствует природе столь утонченного нервного заболевания, можно услышать рассказы о многих, кто, будучи укушен тарантулом, погибал, потому что тарантелла, которая могла бы принести им избавление, не была сыграна для них. Поэтому уже в начале семнадцатого века было принято, чтобы целые группы музыкантов путешествовали по Италии в течение летних месяцев, и, что совершенно беспримерно ни в древние, ни в современные времена, лечение тарантаса в различных городах и деревнях проводилось с большим размахом. Этот сезон танцев и музыки называли "женским маленьким карнавалом", потому что именно женщины в особенности занимались организацией; так что по всей стране они копили свои свободные деньги, чтобы вознаградить желанных музыкантов, и многие из них пренебрегали своими домашними делами, чтобы принять участие в этом празднике больных. Упоминается даже одна благосклонная дама (Мита Лупа), которая потратила на это все свое состояние.

Сама музыка идеально соответствовала характеру болезни и произвела на итальянцев такое глубокое впечатление, что и по сей день, после исчезновения болезни, они сохранили тарантеллу как особый вид музыки, используемый для быстрых, оживленных танцев. Различные виды тарантеллы отличались, что очень важно, особыми названиями, которые были связаны с настроениями, наблюдавшимися у пациентов. Отсюда следует, что они стремились изобразить этими мелодиями даже идиосинкразию ума, выраженную в лице. Так, одна разновидность тарантеллы называлась "Panno rosso", это был очень живой, напористый стиль музыки, к которому подходили дикие дифирамбические песни; другая - "Panno verde" - соответствовала более мягкому возбуждению чувств, вызываемому зелеными цветами, и исполнялась под идиллические песни о зеленеющих полях и тенистых рощах. Третья называлась "Cinque tempi": четвертая - "Moresca", которая исполнялась под мавританский танец; пятая - "Catena"; шестая, с очень подходящим названием "Spallata", как будто ее можно было играть только для танцоров, хромящих на плечо. Это была самая медленная и наименее модная из всех. Для тех, кто любил воду, подбирали любовные песни, которые исполнялись под соответствующую музыку, и такие люди с удовольствием слушали о бурлящих источниках, стремительных каскадах и ручьях. К сожалению, по этому вопросу мы не можем дать никакой дополнительной информации, поскольку сохранились лишь небольшие фрагменты песен и несколько тарантел, которые относятся к периоду, столь отдаленному от начала семнадцатого или, в крайнем случае, конца шестнадцатого века.

Музыка была почти полностью в турецком стиле (ария Турческа), а старинные песни крестьянства Апулии, число которых ежегодно увеличивалось, хорошо подходили к резким и живым нотам турецкого барабана и пастушьей трубы. Эти два инструмента были самыми

любимыми в стране, но в городах и деревнях играли и на других, как аккомпанемент к танцам пациентов и песням зрителей. Если какая-то мелодия не нравилась больным, они показывали свое недовольство бурными жестами, выражающими отвращение. Они не выносили фальшивых нот, и примечательно, что необразованные хамы, которые никогда в жизни не проявляли никакого восприятия чарующей силы гармонии, приобретали в этом отношении чрезвычайно утонченное чувство слуха, как будто их посвящали в глубочайшие тайны музыкального искусства. Ежедневно пациенты проявляли пристрастие к определенным тарантеллам, предпочитая их другим, что послужило поводом для сочинения большого разнообразия этих танцев. Кроме того, они были очень капризны в своих пристрастиях к определенным инструментам; так, одни жаждали пронзительных нот трубы, другие - мягкой музыки, создаваемой вибрацией струн.

Наибольшего расцвета тарантизм достиг в Италии в XVII веке, уже после того, как исчезли немецкие танцы святого Витта. Этой жалобе подвергались не только коренные жители страны. Иностранцы всех цветов кожи и всех рас, негры, цыгане, испанцы, албанцы, также были подвержены этой болезни. От последствий укуса тарантула или вида страдальцев не защищали ни молодость, ни возраст, так что даже девяностолетние старики отбрасывали костыли при звуках тарантеллы и, словно по их жилам текло волшебное зелье, восстанавливающее молодость и бодрость, присоединялись к самым экстравагантным танцорам. Фердинандо видел, как мальчик пяти лет был охвачен манией танца из-за укуса тарантула, и, во что почти невозможно поверить, если бы это не подтверждалось свидетельством столь надежных очевидцев, даже глухие люди не были свободны от этого расстройства, настолько сильным было воздействие самого вида тех, кто был поражен, даже без бодрящих эмоций, вызванных музыкой.

В этом веке нервные приступы были гораздо более частыми, чем в любой другой период, и у тех, кто им подвергался, наблюдалась необычайная ледяная холодность, так что они восстанавливали свой естественный жар только после того, как занимались бурными танцами. Их страдания и чувство подавленности вызывали у них холодный пот; выделения из почек были бледными, и они испытывали такую сильную неприязнь ко всему холодному, что, когда им предлагали воду, они с отвращением отталкивали ее. Вино, напротив, все они пили охотно, не согреваясь им и не испытывая ни малейшего опьянения. В течение всего периода приступа они страдали от спазмов в желудке и испытывали нежелание принимать какую-либо пищу. За некоторое время до ожидаемых приступов они воздерживались от мяса и улиток, что, по их мнению, делало их более тяжелыми, и поэтому их сильная жажда вина может быть в какой-то степени объяснена отсутствием более питательной диеты; однако расстройство нервов, очевидно, было его главной причиной, а потеря аппетита, как и необходимость поддержки вином, были его последствиями. Потеря голоса, периодическая слепота, головокружение, полное безумие с бессонницей, частые рыдания без видимых причин - все это было обычными симптомами. Многие пациенты находили облегчение, когда их усаживали на качели или качали в колыбели; других приходилось выводить из состояния страдания сильными ударами по подошвам ног; третьи били себя, без всякого намерения показать себя, а исключительно для того, чтобы ослабить сильное нервное раздражение, которое они испытывали; значительное число пациентов видели с раздутыми животами, как у танцоров святого Иоанна, а на жестокость кишечного расстройства указывали у других упорные запоры или поносы и рвота. Эти жалкие объекты постепенно теряли силы и цвет кожи и, ползая по земле с инъекционными глазами, желтушным цветом лица и раздутым кишечником, вскоре впадали в состояние глубокой меланхолии, которая находила пищу и утешение в торжественном звоне похоронного колокола и в обитании среди могил на кладбищах, как это было с ликантропами в прежние времена.

Убежденность в неизбежных последствиях укуса тарантула властвовала над умами людей, от которой не могли избавиться даже самые здоровые и сильные. Еще в середине XVI века знаменитый Фракасторо застал крепкого судебного исполнителя своего поместья стонущим и с видом человека, находящегося в крайней степени отчаяния, испытывающим предсмертные муки от укуса в шею, нанесенного насекомым, которое считалось тарантулом. Он любезно и без промедления ввел отвар из уксуса и армянского лыка, великого средства тех дней от чумы, вызванной всевозможными животными ядами, и умирающий, словно чудо, вернулся к жизни и обрел дар речи. Так как не может быть и речи о том, чтобы боровик имел какое-либо отношение к результату в этом случае, несмотря на веру Фракасторо в его достоинства, мы можем объяснить излечение только предположением, что доверие к столь великому врачу одержало верх над этой смертельной болезнью воображения, которая в противном случае поддалась бы едва ли какому-либо другому средству, кроме тарантеллы. Фердинандо был знаком с женщинами, которые в течение тридцати лет подряд преодолевали приступы этого расстройства, возобновляя ежегодные танцы - так долго они сохраняли веру в еще не уничтоженный яд укуса тарантула, и так долго продолжалось это душевное заболевание, после того как оно перестало зависеть от какого-либо телесного возбуждения.

Куда бы мы ни обратились, мы обнаружим, что это болезненное состояние ума преобладало и так поддерживалось мнениями эпохи, что для возникновения этого бурного нервного расстройства нужен был только стимул в виде укуса тарантула и предполагаемая уверенность в его весьма пагубных последствиях. Даже во времена Фердинандо было много тех, кто полностью отрицал ядовитое действие укуса тарантула, а расстройство, которое ежегодно приводило Италию в смятение, считали меланхолией, зависящей от воображения. Однако они дорого расплачивались за этот скептицизм, когда их с неосмотрительным усердием побуждали проверять свои мнения экспериментальным путем; многие из них становились объектами жестокого тарантизма, и даже один выдающийся прелат, Джо. Баптист Квинцато, епископ Фолиньо, позволив в шутку укусить себя тарантулу, смог излечиться не иначе, как под влиянием тарантеллы, вынужденный танцевать. Другие представители духовенства, пожелавшие заткнуть уши музыкой, поскольку считали танцы унижительными для своего положения, впадали в опасное состояние болезни, оттягивая таким образом кризис недуга, и вынуждены были в конце концов спастись от жалкой смерти, подчиняясь нежеланному, но единственному средству лечения. Таким образом, выясняется, что эпоха была настолько мало благоприятна для свободы мысли, что даже самые решительные скептики, неспособные защитить себя от воспоминаний о том, что предстало перед глазами, были покорены ядом, силу которого они высмеивали и который сам по себе был инертен в своем действии.

РАЗДЕЛ 5 - ИСТЕРИЯ

Различные черты болезненно возбужденной жизненной силы становились заметными при тарантизме у разных людей, и не могло не случиться, что другие нарушения нервной системы принимали такую же форму, когда обстоятельства благоприятствовали такому переходу. Это особенно характерно для истерии, этого протеинового и изменчивого расстройства, в котором, очевидно, отразились фантазии, суеверия и глупости всех веков. Карневалетто делле Донне" появился как нельзя кстати для тех, кто страдал истерией. Их болезнь получила от него, как и в другие времена от других необычных обычаев, особое направление; так что, независимо от того, укусил ли их тарантул или нет, они чувствовали себя вынужденными участвовать в танцах тех, кто страдает, и появляться на этом народном празднике, где у них была возможность триумфально продемонстрировать свои страдания.

Здесь мы сделаем паузу, чтобы подумать о том, какую жизнь вели женщины в Италии. Одиноким, лишенные жестоким обычаем общения, этого прекраснейшего из всех удовольствий, они влачили жалкое существование. Жизнерадостность и склонность к чувственным удовольствиям переходили в вынужденное безделье, а у многих - в черноту. Их воображение расстроилось, бледность лица и сбиваемое дыхание свидетельствовали об их глубоких страданиях. Но как они могли поступить иначе, погруженные в такие страдания, как не воспользоваться случаем, чтобы вырваться из своих тюрем и облегчить свои страдания, принимая участие в наслаждении музыкой? Нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, которое в замечательной степени иллюстрирует психологическую природу истерических страданий, а именно: многие хлоротичные женщины, присоединившись к танцующим на Карневалетто, избавлялись от спазмов и угнетения дыхания на целый год, хотя телесная причина их недуга не была устранена. После такого результата никто не мог назвать их самообман просто самозванством и безоговорочно осудить его как таковой.

Этот многочисленный контингент пациентов, конечно, не в малой степени способствовал поддержанию зла, ведь их фантастические страдания, в которых диссимуляция и реальность едва ли могли быть различимы даже ими самими, не говоря уже о врачах, имитировались так же, как искажения танцовщиц Святого Вита самозванцами того времени. Несомненно, именно благодаря им число подчиненных симптомов увеличивалось до бесконечности, как можно понять из ежедневного наблюдения за истерическими больными, которые из болезненного желания выделиться отступают от законов морального приличия. Мощное сексуальное возбуждение часто оказывало самое сильное влияние на их состояние. Многие из них обнажались самым непристойным образом, вырывали волосы с корнем, воя и скрежеща зубами; а когда, как это иногда случалось, неудовлетворенная страсть доводила их до иступления, они заканчивали свое существование самоуничтожением; в те времена было принято, чтобы эти несчастные бросались в колодцы.

Поэтому может показаться, что в поведении пациентов такого типа к первоначальному расстройству примешивается столько обмана и лжи, что, перейдя в другую жалобу, оно должно было само себя уничтожить. Однако в первой половине семнадцатого века этого не произошло, поскольку явным доказательством того, что тарантизм оставался по сути тем же самым и совершенно не подвергался влиянию истерии, является то, что во многих местах, в частности в Мессапии, женщин было меньше, чем мужчин, которые, в свою очередь, в немалой степени были введены в искушение сексуальным возбуждением. В других местах, как, например, в Бриндизи, ситуация была обратной, что, как и в случае с другими жалобами, может быть в какой-то степени объяснено местными причинами. В целом, судя по совпадающим данным, женщины отнюдь не отличаются тем, что подвергаются тарантизму чаще, чем мужчины.

Говорят, что при ежегодном или полугодовом возвращении укуса тарантула рубцы обесцвечиваются, но в этом вопросе не хватает четких свидетельств хороших наблюдателей, чтобы лишить это утверждение его полной неправдоподобности.

Не лишним будет заметить, что примерно в то же время, когда тарантизм достиг своего наивысшего расцвета в Италии, в отдаленных частях Азии также боялись укусов ядовитых пауков больше, чем когда-либо на памяти человека. Однако есть одно отличие - симптомы, возникающие при этом несчастном случае, не сопровождались апулийским нервным расстройством, которое, как было показано на предыдущих страницах, связано скорее с меланхолическим темпераментом жителей юга Италии, чем с природой самого яда тарантула. Поэтому этот яд, несомненно, следует рассматривать лишь как отдаленную

причину жалобы, которая, если бы не этот темперамент, была бы неадекватной для ее возникновения. Персы использовали очень грубое средство для борьбы с плохими последствиями яда такого рода. Они обливали раненого молоком, а затем сильным вращательным движением в подвешенном ящике вызывали у него рвоту.

РАЗДЕЛ 6 - УМЕНЬШЕНИЕ

Танцевальная мания, возникшая из-за укуса тарантула, продолжалась со всеми теми дополнениями самообмана и диссимуляции, которые постоянно сопровождают нервные расстройства такого рода, на протяжении всего семнадцатого века. Действительно, постепенно она шла на спад, но до конца этого периода проявляла такие необычные симптомы, что Бальиви, один из лучших врачей того времени, счел за благо оказать услугу науке, сделав их предметом диссертации. Он повторяет все наблюдения Фердинандо и подкрепляет свои собственные утверждения опытом своего отца, врача из Лечче, чьи показания, как очевидца, можно признать безупречными.

Непосредственные последствия укуса тарантула, последующее нервное расстройство, а также отклонения и припадки тех, кто страдал от истерии, он описывает в мастерском стиле, ни разу не допустив, чтобы его легкое уменьшило достоверность его рассказа, в чем его несправедливо обвиняли более поздние авторы.

Наконец, в наше время тарантизм все больше и больше уменьшался и теперь ограничивается единичными случаями. Как он мог сохраниться в неизменном виде в XVIII веке, когда все звенья, связывавшие его со Средневековьем, уже давно были разорваны? Самозванство становилось все более частым явлением, и там, где болезнь еще проявлялась в своей подлинной форме, ее главная причина, а именно, своеобразная меланхолия, которая раньше была характерна для тысяч людей, теперь была присуща лишь изредка несчастным индивидам. Поэтому не без оснований можно утверждать, что современный тарантизм имеет почти такое же отношение к первоначальному недугу, как танец святого Витта, который существует до сих пор и, несомненно, существовал всегда, в некоторых случаях имеет отношение к первоначальной мании танца танцоров святого Иоанна.

В заключение. Тарантизм, как реальная болезнь, полностью отрицается и клеймится как навязанная большинством врачей и натуралистов, которые в этом споре показали узость своих взглядов и полное незнание истории. Для того чтобы поддержать свое мнение, они провели несколько экспериментов, очевидно, благоприятных для него, но при совершенно неприменимых обстоятельствах, поскольку в большинстве своем в качестве испытуемых они выбрали не кого-нибудь, а здоровых мужчин, на которых совершенно не влияла вера в эту некогда столь страшную болезнь. На основании отдельных случаев мошенничества и диссимуляции, которые встречаются при большинстве нервных заболеваний, не вызывая сомнений в их реальности, они делали слишком поспешные выводы относительно общего явления, о котором они, по-видимому, не знали, что оно продолжается уже почти четыреста лет, зародившись в самые отдаленные времена средневековья. Самым ученым и самым острым среди этих скептиков является неаполитанец Серао. Его рассуждения сводятся к тому, что он считает болезнь очень выраженной формой меланхолии и сравнивает воздействие укуса тарантула на нее со стимулированием шпорами уже бегущей лошади. Реальность этого эффекта он, таким образом, признает и, следовательно, прямо подтверждает то, что отрицает только внешне. Пошатнув и без того колеблющуюся веру в это расстройство, он, как говорят, фактически добился того, что оно стало реже встречаться, и установил границы для самозванства; но это не более опровергает реальность его существования, чем часто повторяющееся обнаружение наваждения смогло в наше время

изгнать магнитный сон из круга природных явлений, хотя такое обнаружение, со своей стороны, сделало более редкими неоспоримые эффекты животного магнетизма. Другие врачи и натуралисты высказывали свои соображения по поводу тарантизма, но, поскольку они не обладали обширными знаниями о его истории, их взгляды не заслуживают особого изложения. Для всеобщего понимания достаточно того, что мы изложили факты без посторонних спекуляций.

ГЛАВА III ТАНЦЕВАЛЬНАЯ МАНИЯ В АБИССИНИИ

РАЗДЕЛ 1 - ТИГРЕТЬЕ

И танец святого Витта, и тарантизм принадлежали эпохам, в которые они появились. Они не могли существовать под той же широтой в какую-либо другую эпоху, потому что ни в какой другой период обстоятельства, подготовившие почву для их возникновения, не сочетались в подобном отношении друг к другу, а душевные и телесные темпераменты народов, зависящие от причин, о которых уже говорилось, так же мало способны к обновлению, как и различные стадии жизни отдельных людей. Это придает еще большее значение болезни, о которой лишь вскользь упоминалось на предыдущих страницах, существующей в Абиссинии и почти напоминающей первоначальную манию танцоров Святого Иоанна, поскольку она демонстрирует совершенно аналогичный экстаз с таким же сильным воздействием на двигательные нервы. Чаще всего она встречается в стране Тигре, откуда ее называют Тигретье, и, вероятно, это тот же недуг, который на языке эфиопов называется астарарагаза. По этому поводу мы приведем свидетельство Натаниэля Пирса, очевидца, прожившего девять лет в Абиссинии. "Тигретье, - говорит он, - чаще встречается среди женщин, чем среди мужчин. Она охватывает тело, как при сильной лихорадке, а затем переходит в затяжную болезнь, которая превращает пациентов в скелеты и часто убивает их, если родственники не могут достать подходящее средство. Во время этой болезни их речь превращается в некое подобие заикания, которое никто не может понять, кроме тех, кто страдает тем же расстройством. Когда родственники обнаруживают, что болезнь является настоящим тигром, они объединяются, чтобы покрыть расходы на ее лечение; первое средство, к которому они обычно прибегают, - это помощь ученого дофтера, который читает Евангелие от святого Иоанна и обливает пациента холодной водой ежедневно в течение семи дней, что очень часто оказывается смертельным. Наиболее эффективное средство, хотя и гораздо более дорогое, чем первое, заключается в следующем: родственники нанимают за определенную сумму оркестр трубачей, барабанщиков и фиферов и покупают некоторое количество спиртного; затем все молодые люди и женщины этого места собираются в доме пациента, чтобы совершить следующую самую необычную церемонию.

"Однажды сосед позвал меня к своей жене, очень молодой женщине, которая имела несчастье страдать этим недугом; этот человек был моим старым знакомым и всегда близким товарищем в лагере, я каждый день, когда был дома, приходил к ней, но не мог оказать ей никакой помощи, хотя она никогда не отказывалась от моих лекарств. В это время я не понимал ни слова из того, что она говорила, хотя она говорила очень свободно, и никто из ее родственников не мог ее понять. Она не могла вынести ни книги, ни священника: при виде любого из них она билась и, казалось, была охвачена острой агонией, и потоки слез, как кровь, смешанная с водой, лились по ее лицу из глаз. В таком состоянии она пролежала три месяца, живя так мало, что казалось, этого недостаточно для поддержания жизни человеческого тела; наконец ее муж согласился применить обычное средство и, приготовив средства на содержание группы в течение времени, необходимого для излечения, занял у всех соседей серебряные украшения и обвешал ими ее ноги, руки и шею.

"Вечером, когда оркестр начал играть, я расположился рядом с ней, когда она лежала на кушетке, и примерно через две минуты после того, как зазвучали трубы, я заметил, что ее плечи начали двигаться, а вскоре после этого голова и грудь, и менее чем через четверть часа она села на кушетке. Ее дикий вид, хотя иногда она улыбалась, заставил меня отойти на большее расстояние, так как я был почти встревожен, увидев, как человек, почти скелет, двигается с такой силой; ее голова, шея, плечи, руки и ноги делали сильные движения в такт музыке, и так она двигалась постепенно, пока не встала на ноги на полу. После этого она начала танцевать, временами подпрыгивать, и наконец, когда музыка и шум певцов усилились, она часто отрывалась от земли на три фута. Когда музыка стихала, она казалась совсем не в духе, но когда она становилась громче, то улыбалась и радовалась. Во время этих упражнений она не проявляла ни малейшего признака усталости, хотя музыканты были совершенно измотаны; когда же они останавливались, чтобы освежиться, попить и немного отдохнуть, она обнаруживала признаки недовольства.

"На следующий день, согласно обычаю, принятому для лечения этого расстройства, ее отвели на рыночную площадь, где несколько кувшинов с маисом или цугом были расставлены в порядке, чтобы напоить музыкантов и танцоров. Когда толпа собралась, и музыка была готова, ее вывели, и она начала танцевать и метаться в самых безумных позах, какие только можно себе представить, и так продолжалось весь день. Ближе к вечеру с ее шеи, рук и ног по очереди стали падать серебряные украшения, так что за три часа с нее сняли все предметы. Родственник постоянно ходил за ней, пока она танцевала, подбирал украшения, а затем доставлял их владельцам, у которых они были позаимствованы. С заходом солнца она стартовала с такой скоростью, что самый быстрый бегун не смог бы за ней угнаться, и, оказавшись на расстоянии около двухсот ярдов, внезапно упала, словно подстреленная. Вскоре после этого молодой человек, подойдя к ней, выстрелил из спичечного коробка по ее телу, ударил ее по спине широкой стороной своего большого ножа и спросил ее имя, на что она ответила как в здравом уме - верное доказательство того, что она исцелена; ведь во время этого недуга страдающие им никогда не называют своих христианских имен. Теперь ее взяли на руки в очень слабом состоянии и понесли домой, а священник пришел и снова окрестил ее во имя Отца, Сына и Святого Духа, чем и завершилось ее исцеление. Некоторых из них, прежде чем вылечить, много дней водят на рынок, а иногда случается, что их вообще не могут вылечить. Я видел, как они в таких припадках танцуют с бутылкой маиса на голове, не проливая спиртного и не позволяя бутылке упасть, хотя они принимали самые экстравагантные позы.

"Я не мог решиться написать об этом понаслышке и не мог представить, что это возможно, пока не был вынужден применить это средство на практике на собственной жене, страдавшей тем же расстройством, и тогда я был вынужден еще ближе познакомиться с этим странным заболеванием. Сначала я подумал, что хлыст может оказаться полезным, и однажды попытался нанести несколько ударов незаметно для окружающих: мы были одни, и я сильно подозревал, что этот недуг происходит от слабого ума женщин, которых поощряют к этому ради пышности, богатых нарядов и музыки, сопровождающих излечение. Но как же я был удивлен, когда в тот момент, когда я нанес легкий удар, думая сделать доброе дело, обнаружил, что она стала похожа на труп, и даже суставы ее пальцев стали такими жесткими, что я не мог их распрямить; Я действительно подумал, что она умерла, и тут же сообщил людям в доме, что она упала в обморок, но не сказал им о причине, на что они немедленно принесли музыку, в которой я много дней им отказывал, и которая вскоре оживила ее; затем я оставил дом ее родственникам, чтобы они вылечили ее за мой счет, как я уже говорил, хотя для лечения моей жены потребовалось гораздо больше времени, чем для той женщины, о которой я только что рассказывал. Однажды я с компаньоном отправился посмотреть, как

танцует моя жена, и держался на небольшом расстоянии, так как стеснялся подходить к толпе. Неотрывно глядя на нее, когда она танцевала или прыгала, больше похожая на оленя, чем на человека, я сказал, что это точно не моя жена; на что мой спутник разразился приступом смеха, от которого он едва мог воздерживаться всю дорогу домой. Мужчины иногда страдают этим ужасным расстройством, но не часто. Среди амхара и галла это не так распространено".

Таков рассказ Пирса, который во всех отношениях заслуживает доверия, а его живое описание делает традиции прежних времен о танце святого Вита и тарантизме понятными даже тем, кто скептически относится к существованию болезненного состояния души и тела такого рода, как описанное, поскольку при современном уровне развития цивилизации среди народов Европы возможности для его развития больше не встречаются. Авторитет этого энергичного, но отнюдь не амбициозного человека не вызывает ни малейших подозрений, поскольку из-за отсутствия образования он не был знаком с рассматриваемыми явлениями, а его работа демонстрирует привлекательную и непритязательную беспристрастность.

Сравнение - мать наблюдения, и здесь можно прояснить одно явление на примере другого - прошлое на примере того, что еще существует. Угнетение, отсутствие безопасности и влияние очень грубого священничества - вот те мощные причины, которые действовали на немцев и итальянцев в Средние века, как они продолжают действовать на абиссинцев в наши дни. Как бы ни отличались эти люди от нас по своему происхождению, нравам и обычаям, влияние вышеупомянутых причин в Африке такое же, как и в Европе, ибо они действуют на самого человека независимо от конкретной местности, в которой он может быть посажен; и условия жизни современных абиссинцев в отношении суеверий - это зеркало состояния европейских народов средних веков. Если это покажется смелым утверждением, то оно будет подкреплено тем фактом, что в Абиссинии встречаются два примера суеверий, которые полностью соответствуют явлениям средневековья, происходившим одновременно с танцевальной манией. *У абиссинцев есть свои христианские флагеллянты, и среди них существует вера в зооморфизм, который представляет собой живой образ ликантропии средневековья.* Их флагеллянты называются закари. Они объединены в отдельное христианское братство и совершают свои шествия по городам и селам с большим шумом и беспорядком, бичуя себя до крови и нанося себе раны ножами. Они хвастаются, что являются потомками святого Георгия. Именно в Тигре, стране абиссинской танцевальной мании, они встречаются в наибольшем количестве, а в окрестностях Аксума у них есть своя церковь, посвященная их святому покровителю *Ун Арвелу*. Здесь есть вечно горящая лампада, и они стараются внушить веру в то, что она поддерживается сверхъестественными средствами. Здесь же хранится святая вода, которая, как говорят, является лекарством для тех, кто страдает манией танца.

Не менее важное явление - абиссинский зооморфизм, который проявляется весьма своеобразно. Кузнецы и гончары образуют среди абиссинцев общество или касту, называемую в Тигре *Тebбиб*, а в Амхаре *Буда*, которая пользуется определенным презрением и не допускается к таинству Вечери Господней, поскольку считается, что они могут превращаться в гиен и других хищных зверей, из-за чего их все боятся и относятся к ним с ужасом. Они искусно стараются поддерживать это суеверие, потому что благодаря этому разделению они сохраняют монополию на свои прибыльные ремесла, а поскольку в других отношениях они хорошие христиане (среди них живет мало евреев и магометан), они, похоже, не придают большого значения своему отлучению. В качестве знака отличия они носят золотое ушное кольцо, которое часто находят в ушах убитых гиен, причем никогда не

удавалось выяснить, как они ловят этих животных, чтобы украсить их этим странным украшением, и это снимает в сознании людей все сомнения относительно сверхъестественных способностей кузнецов и гончаров. Будам также приписывают дар очарования, особенно влияние сглаза. Тем не менее, они живут без охраны, и фанатичные священники не приговаривают их к огню, как ликантропов в Средние века.

ГЛАВА IV - СИМПАТИЯ

Подражание, сострадание, сочувствие - вот несовершенные обозначения общей связи между человеческими существами, инстинкта, соединяющего индивидов с общим организмом, который с одинаковой силой охватывает разум и глупость, добро и зло, уменьшает похвалу добродетели, равно как и преступность порока. В этом импульсе есть свои степени, но нет существенных различий, от первых интеллектуальных усилий младенческого ума, которые в значительной степени основаны на подражании, до того болезненного состояния души, в котором чувствительное впечатление от нервного заболевания сковывает разум и находит свой путь через глаз прямо к больной текстуре, как электрический удар распространяется при контакте от тела к телу. К этому инстинкту подражания, когда он существует в высшей степени, присоединяется потеря всякой власти над волей, которая происходит, как только впечатление на органы чувств прочно укрепилось, вызывая состояние, подобное тому, которое бывает у маленьких животных, когда они очарованы видом змеи. По этой психической связи болезненная симпатия четко и определенно отличается от всех подчиненных степеней этого инстинкта, каким бы тесным ни было подражание расстройству, которое может показаться просто глупостью, нелепой модой, неловкой привычкой в речи и манере поведения или даже путаницей идей. Однако даже эти последние подражания, направленные на глупые и пагубные цели, выставляют в весьма сомнительном свете самостоятельность большей части человечества и объясняют необходимость их объединения в социальное целое. Еще более близким к болезненному сочувствию, чем подражание соблазнительной глупости, хотя часто и со значительной примесью последней, является распространение сильных возбуждений, особенно религиозного или политического характера, которые так сильно будоражили народы древних и современных времен и которые после зарождающегося соответствия могут перейти в полную потерю власти над волей и настоящую болезнь ума. Далеко не всегда мы пытаемся пробудить все оттенки этого аккорда, вибрации которого открывают глубокие тайны, скрытые в глубинах души. Нам не хватит сил на столь масштабное дело. Здесь мы имеем дело лишь с той болезненной симпатией, благодаря которой танцевальная мания Средневековья переросла в настоящую эпидемию. Чтобы сделать это очевидным в сравнении, не будет лишним в конце этого исследования привести несколько ярких примеров: - 1.

1. "На хлопчатобумажной мануфактуре в Ходден-Бридже, в Ланкашире, пятнадцатого февраля 1787 года одна девочка положила мышь в грудь другой девочке, которая очень боялась мышей. Девочка немедленно впала в припадок, который продолжался с сильнейшими конвульсиями в течение двадцати четырех часов. На следующий день таким же образом заразились еще три девочки, а 17-го - еще шесть. К этому времени тревога была настолько велика, что вся работа, в которой было занято 200 или 300 человек, была полностью остановлена, и возобладала идея, что определенная болезнь была занесена через мешок хлопка, открытый в доме. В воскресенье 18-го числа из Престона был послан доктор Сент-Клер; до его приезда было схвачено еще трое, а за ночь и утро 19-го числа - еще одиннадцать, всего двадцать четыре человека. Из них двадцать одна молодая женщина, две

девочки лет десяти и один мужчина, который очень устал, удерживая девочек. Трое из этого числа жили примерно в двух милях от места, где впервые вспыхнуло расстройство, а трое - на другой фабрике в Клитеро, примерно в пяти милях, причем последние и еще двое заразились совершенно случайно, не видя других больных, но, как и они, и вся страна, были сильно впечатлены идеей, что чума передается от хлопка. Симптомами болезни были беспокойство, удушье и очень сильные конвульсии; они были настолько сильными, что продолжались без перерыва от четверти часа до двадцати четырех часов, и требовалось четыре или пять человек, чтобы пациенты не рвали на себе волосы и не бились головой об пол или стены. Доктор Сент-Клер взял с собой портативную электрическую машину, и с помощью электрических разрядов пациенты получали облегчение все без исключения. Как только пациенты и вся страна убедились, что это просто нервное расстройство, которое легко лечится и не вызвано хлопком, ни один новый человек не пострадал. Чтобы еще больше развеять их опасения, наилучший эффект был достигнут, если заставить их выпить бокал веселящего напитка и присоединиться к танцам. Во вторник 20-го числа они танцевали, а на следующий день все были на работе, за исключением двух или трех человек, которые были сильно ослаблены приступами".

Описанный случай примечателен тем, что у этих молодых женщин не было никакой важной предрасполагающей причины для конвульсий, если не считать таковой их жалкую и замкнутую жизнь в рабочих помещениях прядильной мануфактуры. Конвульсии не возникли на почве энтузиазма, и не сообщается, что пациентки страдали какими-либо другими нервными расстройствами. В другом, совершенно аналогичном случае все пострадавшие страдали от нервных расстройств, которые вызывали у них болезненное сочувствие при виде человека, охваченного конвульсиями. Это, вместе с наблюдением истерических припадков, можно достаточно метко сравнить с тарантизмом.

2. "Молодая женщина самого низкого пошиба, двадцати одного года от роду, крепкого телосложения, пришла 13 января 1801 года навестить больного в берлинскую больницу Шарите, где она сама ранее лечилась от воспаления грудной клетки с тетаническими спазмами, и сразу же, войдя в палату, упала в сильных конвульсиях. При виде ее сильных конвульсий шесть других пациенток немедленно заболели тем же самым, и постепенно еще восемь подверглись подобному нападению с сильными конвульсиями. Все эти пациенты были в возрасте от шестнадцати до двадцати пяти лет и страдали без исключения: один - от спазмов в желудке, другой - от паралича, третий - от вялости, четвертый - от приступов с потерей сознания, пятый - от каталепсии, шестой - от обморока и т. д. Судороги, которые чередовались различным образом с тоническими спазмами, сопровождалась потерей чувствительности, им неизменно предшествовало томление с тяжелым сном, за которым в течение минуты или двух следовали припадки; примечательно, что у всех этих пациентов их прежние нервные расстройства, за исключением паралича, исчезали, возвращаясь, однако, после последующего устранения их новой жалобы. Лечение, во время которого две медсестры, молодые женщины, страдали от подобных приступов, продолжалось в течение четырех месяцев. В конце концов оно увенчалось успехом и заключалось главным образом в приеме опиума, в то время излюбленного средства".

Теперь каждый вид энтузиазма, каждая сильная привязанность, каждая бурная страсть могут привести к конвульсиям - психическим расстройствам - сотрясению нервов, начиная с сенсориума и заканчивая самыми тонкими отделами спинного мозга. Весь мир полон примеров этой болезненной суматохи, которая, когда ум увлекается силой чувственного впечатления, разрушающего его свободу, неудержимо распространяется через подражание. Зараженные таким образом люди не щадят даже собственной жизни, но как

загнанное стадо овец, следуя за своим вожаком, бросается в пропасть, так и целые сонмы энтузиастов, заблуждаясь в своей увлеченности, спешат на верную смерть. Так было всегда, со времен милезийских девственниц до современных ассоциаций саморазрушения. Однако из всех восторженных увлечений религиозное - самое плодотворное в плане расстройств как ума, так и тела, и оба они распространяются с наибольшей легкостью благодаря симпатии. История Церкви содержит бесчисленные доказательства этого, но нам нет нужды углубляться дальше самых последних времен.

3. В методистской часовне в Редруте один человек во время богослужения громко воскликнул: "Что мне делать, чтобы спастись?", проявляя при этом величайшее беспокойство и тревогу за состояние своей души. Некоторые другие члены общины, следуя его примеру, кричали в той же форме, и, казалось, вскоре после этого испытывали мучительную телесную боль. Это странное явление вскоре получило широкую огласку, и сотни людей, пришедших сюда либо из любопытства, либо из других побуждений посмотреть на страдальцев, впали в такое же состояние. Часовня оставалась открытой несколько дней и ночей, и с этого момента новое расстройство распространилось с быстротой молнии по соседним городам - Кемборну, Хелстону, Труро, Пенрину и Фалмуту, а также по деревням в окрестностях. Продвигаясь таким образом, она несколько уменьшилась в том месте, где впервые появилась, и ограничилась методистскими часовнями. Возбуждалась она только теми словами, о которых уже говорилось, и захватывала не кого-нибудь, а людей самого низкого образования. Те, кто подвергся нападению, испытывали сильнейшие страдания и впадали в конвульсии; другие, как одержимые, кричали, что Всемогущий немедленно изольет на них Свой гнев, что в их ушах звучали стенания измученных духов и что они видели ад, открытый, чтобы принять их. Священнослужители, когда во время проповедей понимали, что люди охвачены этим, убедительно призывали их исповедовать свои грехи и ревностно старались убедить их в том, что они по природе своей враги Христу, что гнев Божий обрушился на них, и что если смерть застанет их в разгар их грехов, то вечные муки ада станут их уделом. Возбужденные прихожане повторяли эти слова, что, естественно, усиливало ярость их судорожных приступов. Когда речь произвела полный эффект, проповедник сменил тему; напомнил страждущим о силе Спасителя, а также о Божьей благодати и представил им в сияющих красках радости небес. На это рано или поздно последовала удивительная реакция. Те, кто бился в конвульсиях, чувствовали себя поднятыми из самых глубин страдания и отчаяния к самому возвышенному блаженству и торжествующе кричали, что их узы ослаблены, грехи прощены, и что они перешли к чудесной свободе детей Божьих. Между тем конвульсии продолжались, и во время этого состояния они настолько отрешились от всех земных мыслей, что оставались в часовне по два, а иногда и по три дня и ночи, все время возбуждаемые спазматическими движениями и не принимая ни отдыха, ни пищи. По самым скромным подсчетам, за очень короткое время этим судорожным недугом было поражено 4 000 человек.

Течение и симптомы приступов в целом были следующими: сначала наступала слабость с тяжестью и ощущением тяжести в области желудка, вскоре после чего пациент вскрикивал, как при предсмертной агонии или родовых муках. Затем начались судороги, сначала проявившиеся в мышцах век, хотя сами глаза оставались неподвижными и пристальными. Затем последовали самые страшные искажения лица, и теперь конвульсии пошли вниз, так что были затронуты мышцы шеи и туловища, что вызвало рыдающее дыхание, которое осуществлялось с большим усилием. Последовали тремор и возбуждение, пациенты неистово кричали и бросали голову из стороны в сторону. По мере нарастания жалоб они захватывали руки, и их жертвы били себя в грудь, сжимали руки и делали всевозможные

странные жесты. Наблюдатель, который приводит этот рассказ, отметил, что нижние конечности ни в коем случае не страдали. В некоторых случаях изнеможение наступало через несколько минут, но обычно приступ длился гораздо дольше, и были даже случаи, когда он продолжался шестьдесят или семьдесят часов. Многие из тех, кто сидел в момент приступа, во время его продолжения быстро наклоняли свое тело вперед и назад, делая соответствующие движения руками, как будто пилили дрова. Другие громко кричали, прыгали и бросали свое тело во все возможные позы, пока не исчерпали все свои силы. В начале заболевания зевота наблюдалась во всех случаях, но по мере усиления расстройства кровообращение и дыхание ускорялись, так что лицо приобретало отекший и одутловатый вид. При наступлении истощения пациенты обычно теряли сознание и оставались в неподвижном состоянии до самого выздоровления. Расстройство полностью напоминало танец святого Витта, но припадки иногда доходили до необычайной силы, так что автор статьи однажды видел, как женщина, охваченная этими конвульсиями, сопротивлялась попыткам четырех или пяти сильных мужчин сдержать ее. Те пациенты, которые не теряли сознание, как правило, становились еще более неистовыми от каждой попытки утихомирить их силой, и поэтому они, как правило, оставались без защиты, пока сама природа не приводила их к истощению. После приступов больные жаловались на слабость, а иногда случалось, что они переходили в другие расстройства; так, некоторые впадали в состояние меланхолии, которое, однако, вследствие их религиозного экстаза, отличалось отсутствием страха и отчаяния; а у одного пациента, как говорят, произошло воспаление мозга. Ни пол, ни возраст не были свободны от этой эпидемической болезни. Им одинаково страдали и пятилетние дети, и восьмидесятилетние люди, и даже мужчины самого крепкого телосложения были подвержены его влиянию. Однако чаще всего жертвами болезни становились девушки и молодые женщины.

4. В течение последних ста лет на Шетландских островах существовало нервное заболевание совершенно аналогичного рода, которое представляет собой яркий пример, возможно, единственный из ныне существующих, очень длительного распространения этого вида расстройств путем симпатии. Происхождение болезни было очень незначительным. У женщины-эпилептика случился припадок в церкви, и то ли умы прихожан были возбуждены набожностью, то ли их сочувствие было вызвано видом сильных конвульсий, но точно известно, что многие взрослые женщины и даже дети, некоторые из которых были мужского пола и не старше шести лет, сразу же начали жаловаться на сердцебиение, затем на обморок, который перешел в неподвижное и явно каталептическое состояние. Эти симптомы продолжались более часа и, вероятно, повторялись часто. Однако с течением времени эта болезнь, как говорят, претерпела изменения, подобные тем, которые она демонстрирует в настоящее время. Женщины, на которых он напал, внезапно падают, разбрасывают руки, принимают различные формы тела, резко двигают головой из стороны в сторону и с неподвижными глазами произносят самые жалобные крики. Если припадок случается во время какого-либо развлечения в обществе, то, как только он прекращается, они смешиваются со своими товарищами и продолжают развлекаться как ни в чем не бывало. Подобные пароксизмы чаще всего случались в теплые летние месяцы, а около пятидесяти лет назад почти не было суббот, в которые они не случались. Сильные душевные страсти, вызванные религиозным энтузиазмом, также являются возбуждающими причинами этих приступов, но, как и все подобные ложные признаки божественных действий, они легко преодолеваются, вызывая у пациента другое состояние ума, и особенно возбуждая чувство стыда: таким образом, пострадавшие находятся под контролем любого здравомыслящего проповедника, который знает, как "оказать помощь больному уму", и разоблачить глупость добровольного подчинения симпатии, которой так легко противостоять, или приглашения к подобным атакам с помощью жеманства. Один умный и благочестивый священник из

Шетландских островов сообщил врачу, который рассказывает об этом расстройстве как очевидец, что, будучи сильно раздражен этими пароксизмами во время своего первого приезда в страну, когда церковные богослужения были сильно затруднены, он предотвратил их повторение, заверив своих прихожан, что нет более эффективного лечения, чем погружение в холодную воду; а поскольку его кирк, к счастью, находился рядом с пресноводным озером, он предупредил, что во время богослужения под рукой должны быть служители, чтобы обеспечить надлежащие средства лечения. О дальнейших событиях нет нужды рассказывать. Страх быть вынесенным из церкви в воду подействовал как талисман; не было сделано ни одной наяды, и достойный священник в течение многих лет имел основания похвастаться одной из самых хорошо управляемых общин в Шотландии. Когда упомянутый выше врач присутствовал на богослужении в кирхе Балиаста на острове Унст, раздался женский крик, свидетельствующий о судорожном припадке; священник, мистер Ингрэм из Фетлара, очень корректно прекратил свою речь, пока не удалится нарушитель спокойствия; посоветовав всем, кто считает, что на них может быть оказано подобное воздействие, покинуть церковь, он тем временем прочел псалом. Таким образом, прихожане были ограждены от дальнейших прерываний; однако эффект сочувствия не был предотвращен, поскольку, когда рассказчик выходил из церкви, он увидел несколько женщин, корчившихся и разбрасывавших руки на зеленой траве, которые не смели, опасаясь порицания с кафедры, проявлять себя подобным образом в священных стенах кирхи.

В возникновении этого расстройства, которое, несомненно, существует и поныне, фанатизм, конечно, сыграл меньшую роль, чем раздражительное состояние нездоровых женщин, которым достаточно было одного волнения, неважно какого рода, чтобы впасть в преобладающие нервные пароксизмы. Однако когда эта мощная причина нервных расстройств берет на себя ведущую роль, мы видим, что развиваются гораздо более примечательные симптомы, и от психического состояния людей, среди которых они появляются, зависит, будут ли они распространяться в узком или широком диапазоне - будут ли они ограничены каким-то небольшим узлом фанатиков и исчезнут без следа, или же приобретут даже историческое значение.

5. Появление *конвульсионеров* во Франции, жители которой, в силу большей подвижности своей крови, в целом были менее склонны к фанатизму, в этом отношении поучительно и заслуживает внимания. В 1727 году в столице этой страны умер дьякон Парис, ревностный противник ультрамонтанистов, раскол которых возник во французской церкви из-за буллы "Унигенитус". Люди часто посещали его могилу на кладбище Сен-Медар, а через четыре года после этого (в сентябре 1731 года) распространился слух, что там происходят чудеса. Пациенты бились в конвульсиях и тетанических спазмах, катались по земле, как одержимые, впадали в сильные конвульсии головы и конечностей, испытывали сильнейшее угнетение, сопровождавшееся учащением и неравномерностью пульса. Это новое явление произвело величайший фурор во всем Париже, и огромное количество людей ежедневно прибегало на вышеупомянутое кладбище, чтобы увидеть столь удивительное зрелище, которое ультрамонтанисты сразу же истолковали как дело рук сатаны, в то время как их противники приписывали его божественному влиянию. Беспорядок вскоре усилился, пока не вызвал у нервных женщин *ясновидение* (*Schlafwachen*), явление до тех пор неизвестное; особенно привлекала внимание одна женщина, которая с завязанными глазами и, как считалось, с помощью обоняния читала все письма, которые клали перед ней, и различала характеры неизвестных лиц. Вскоре стало известно, что земля, взятая с могилы дьякона, обладает чудодейственной силой. Ее посылали многочисленным больным на расстоянии, и те, как утверждали, излечивались, и таким образом это нервное расстройство распространилось

далеко за пределы столицы, так что в одно время, по подсчетам, насчитывалось более восьмисот конвульсионеров, которые вряд ли бы так увеличились в числе, если бы Людовик XV не распорядился закрыть кладбище. Само расстройство принимало различные формы и усиливало своими приступами общее волнение. Многие люди не только страдали от конвульсий, но и испытывали сильные боли, которые требовали помощи братьев по вере. По этой причине их, а также тех, кто оказывал им помощь, стали называть *секуристами*. Принятые способы облегчения были в значительной степени схожи с теми, которые применялись к танцорам Святого Иоанна и Тарантати, и в целом они были очень грубыми; страдальцев били и били по различным частям тела камнями, молотками, мечами, дубинками и т. д.; защитники этой необычной секты приводят самые поразительные примеры в доказательство того, что сильная боль настоятельно требуется природой при этом расстройстве как эффективное противораздражающее средство. Секуристы использовали деревянные дубинки так же, как павры используют свои молотки, и утверждается, что некоторые *конвульсионеры* ежедневно переносили от шести до восьми тысяч ударов, наносимых таким образом без опасности. Один секурист нанес молодой женщине, страдавшей от спазма желудка, самые сильные удары по этой части, не говоря уже о других подобных случаях, которые происходили повсюду в огромном количестве. Иногда пациенты поднимались с земли, подгоняемые конвульсиями, как рыба, вынырнувшая из воды; впоследствии это так часто имитировалось, что женщины и девушки, ожидая таких буйных деформаций, не желая показаться неприличными, надевали платья, похожие на мешки, закрытые у ног. Если они получали какие-либо ушибы при падении, их лечили землей с могилы неканонизированного святого. Обычно, однако, они проявляли большую ловкость в этом отношении, и нет необходимости отмечать, что женский пол особенно отличался всевозможными прыжками и почти немыслимыми искривлениями тела. Одни крутились на ногах с невероятной быстротой, как рассказывают о дервишах; другие бились головой о стены или изгибали тело, как канатные плясуны, так что пятки касались плеч.

Все это в конце концов выродилось в решительное безумие. Некая конвульсионерка в Верноне, которая раньше вела довольно разгульный образ жизни, занималась тем, что исповедовала противоположный пол; в других местах женщин этой секты видели налагающими на священников епитимью, во время которой те были вынуждены становиться перед ними на колени. Другие играли с детскими погремушками или рисовали маленькие тележки, придавая этим детским действиям символические значения. Один конвульсионер даже заставлял верующих брить подбородок и одновременно давал религиозные наставления, чтобы подражать Парису, творящему чудеса, который во время этой операции и за столом имел обыкновение читать проповеди. Некоторым поперек тела клали доску, на которой стоял целый ряд мужчин; а так как в этом неестественном состоянии ума от мучительной боли получают некое удовольствие, то видели и таких, кто щипал себе грудь щипцами, а другие, закрыв ноги платьем, стояли на голове и оставались в таком положении дольше, чем это было бы возможно, будь они здоровы. Адвокат Пино, принадлежавший к этой секте, каждый день несколько часов лаял, как собака, и даже это находило подражание среди верующих.

Безумие конвульсионеров длилось без перерыва до 1790 года, и за эти пятьдесят девять лет вызвало больше плачевных явлений, чем могли бы допустить просвещенные духи восемнадцатого века. Самая грубая безнравственность нашла в тайных собраниях верующих надежное убежище, а в их запутанных набожных упражнениях - удобную маскировку. Не помогло то, что в 1762 году парламентским актом был запрещен Grand Secours; с тех пор эта работа велась в тайне и с большим рвением, чем когда-либо; напрасно некоторые врачи, и среди них строгий, благочестивый Геке, а за ним и Лорри, объясняли

поведение конвульсионеров естественными причинами. Знатные люди из высших классов, например, депутат Монжерон и церковник Ламбер (ум. в 1813 г.), выступали защитниками этой секты; а многочисленные сочинения, которыми обменивались по этому поводу, служили, благодаря тому значению, которое они придавали ей, для придания ей устойчивости. Революция окончательно поколебала структуру этого пагубного мистицизма. Однако она не была уничтожена, так как даже в период наибольшего волнения тайные собрания продолжались; пророческие книги конвульсионеров различных вероисповеданий появились даже в самые последние времена, и всего несколько лет назад (в 1828 году) эта некогда знаменитая секта все еще существовала, хотя и без конвульсий и чрезвычайно грубой помощи братьев по вере, которые, среди хваленого превосходства французского интеллектуального прогресса, с особой силой напоминают нам о темных временах танцоров Св. John's dancers.

6. Подобные фанатичные секты демонстрируют у всех народов древности и современности одни и те же явления. Чрезмерный фанатизм сам по себе и с медицинской точки зрения является разрушительным раздражением чувств, которое уводит человека от эффективности умственной свободы и особенно благоприятствует самым вредным эмоциям. Чувственные приливы и сильные нервные конвульсии рано или поздно проявляются, а безумие, самоубийственное отвращение к жизни и неизлечимые нервные расстройства слишком часто являются последствиями извращенного и, более того, лицемерного рвения, которое всегда преобладало как в собраниях мейнадов и корибантов древности, так и под видом религии у христиан и магометан.

Есть несколько деноминаций английских методистов, которые превосходят, если возможно, французских конвульсионеров; и мы можем здесь упомянуть, в частности, джамперов, среди которых еще труднее, чем в приведенном выше примере, провести границу между религиозным экстазом и совершенным расстройством нервов; симпатия, однако, действует на них, возможно, более пагубно, чем на другие фанатичные собрания. Секта прыгунов была основана в 1760 году в графстве Корнуолл двумя фанатиками, которые даже в то время смогли собрать значительную партию. Их общая доктрина похожа на доктрину методистов и заслуживает нашего рассмотрения только в той мере, в какой она предписывает им во время своих набожных упражнений впадать в конвульсии, которые они способны осуществлять самым странным образом, какой только можно себе представить. Употребляя некоторые неблагозвучные слова, они доводят себя до состояния религиозного безумия, в котором, кажется, почти не контролируют свои чувства. Затем они начинают прыгать со странными жестами, повторяя это упражнение со всей силой, пока не выбьются из сил, так что нередко женщины, которые, подобно Маенадам, практикуют эти религиозные упражнения, уносятся из их среды в состоянии обморока, а остальные члены общин на протяжении многих миль по дороге домой приводят в ужас всех, кого встречают, видом такого бесовского бреда. Никогда не бывает больше нескольких экстатиков, которые своим примером возбуждают остальных к прыжкам, и за ними следует большая часть собрания, так что эти собрания прыгунов в течение нескольких часов вместе напоминают скорее дикие оргии, чем общины, собравшиеся для христианского назидания.

В Соединенных Штатах Северной Америки общины методистов существуют на протяжении последних шестидесяти лет. Сообщения достоверных свидетелей об их собраниях для богослужения под открытым небом (лагерные собрания), на которые многие тысячи стекаются с огромных расстояний, превосходят всякую веру; ведь там не только повторяются все безумные действия французских конвульсионеров и английских джамперов, но расстройство их разума и нервов достигает на этих собраниях еще большей высоты. У

женщин случались выкидыши, когда они страдали от экстаза и сильных спазмов, в которые они впадали, а другие публично раздевались и прыгали в реки. Они сотнями падали в обморок, изнемогая от бреда и припадков; а из Баркеров, которые появлялись среди конвульсионеров лишь местами, в единичных случаях полной аберрации интеллекта, целые группы бегали на четвереньках и рычали, словно желая даже своим внешним видом указать на шокирующую деградацию своей человеческой природы. На этих лагерных сборищах дети становятся свидетелями этого безумного увлечения, а поскольку их слабые нервы легче всего поддаются воздействию симпатии, они вместе с родителями впадают в жестокие припадки, хотя ничего не знают об их причинах, и многие из них на всю жизнь сохраняют тяжелое нервное расстройство, которое, возникнув от испуга и чрезмерного возбуждения, впоследствии не поддается никакому медицинскому лечению.

Но хватит об этих экстравагантностях, которые и в наши дни омрачают жизнь многих тысяч людей и являют миру XIX века такую же ужасающую форму психического расстройства, какую танец святого Витта когда-то являл собой для непросвещенных народов Средневековья.